

• УИЛЛ МАКИНТОШ •

Фоллер

fanzon

Большая фантастика

Уилл Макинтош

Фоллер

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Макинтош У.

Фоллер / У. Макинтош — «Эксмо», 2016 — (Большая фантастика)

ISBN 978-5-04-092888-0

Фоллер открывает глаза. Наступает День Первый. Ужасающая картина из обломка земли, повисшего в небе, разрушенных зданий и выщербленного асфальта. Кругом голод и паника. Что произошло? Почему люди не помнят друг друга? В кармане Фоллера – подсказки. Фотография незнакомой девушки. Рисунок, написанный кровью. Фигурка игрушечного парашютиста. Фоллер понимает: его мир не единственный. И решается на прыжок с края мира.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-092888-0

© Макинтош У., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	54
-----------------------------------	----

Уилл Макинтош

Фоллер

© С. Степанец, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Моему другу Колину Крозерсу

Благодарственное слово

Мне было трудно, но интересно писать роман «Фоллер». Я работал над черновиками больше, чем обычно, и на каждом этапе мне помогали коллеги по перу своими бесценными отзывами. Сначала Джой Маршан, затем мой агент Сет Фишман (который является не только агентом, но и талантливым писателем), за ним Сара Кинг, а затем Ян Крейси, Кеннет Тагер и Лаура Валери. Я очень благодарен каждому из них за помощь и понимание.

Как с самого начала моей литературной деятельности, так и по сей день мой друг, Джеймс Пью, постоянно звонит мне, чтобы подкинуть пару блестящих идей во времена моего писательского кризиса. Я никогда не встречал человека, который умеет придумывать сюжетные ходы и находить решения проблем так быстро и блестяще, как это умеет делать он.

Поскольку я очень мало знаю о физике, эта книга не появилась бы без помощи астрофизика Марка Шера – профессора в колледже Вильгельма и Марии. Я пришел к нему в кабинет с довольно странным и неправильным миром, от которого менее важный астрофизик стал бы рвать на себе волосы, а после отчислил бы меня с физического факультета. Но Марк помог мне, и я искренне благодарен за потраченное им время и предоставленные знания.

Несмотря на то, что это мой шестой роман, он основан на первой написанной мной истории. Той, с которой начинался мой путь писателя, и поэтому она очень близка моему сердцу. Первоначальная история (которая очень отличается от романа) в конечном итоге нашла пристанище в научно-фантастическом журнале под названием Challenging Destiny, и я благодарю его редактора Дэвида М. Швитцера за ее публикацию.

Как всегда, благодарю своего агента Сета Фишмана за его руководство и поддержку. Я сомневаюсь, что смог бы писать целыми днями, если бы не он. В ближайшие дни мы встретимся лично.

Люблю и благодарю свою жену, Элисон Скотт Макинтош, за ее поддержку, и спасибо Майлзу и Ханне только за то, что они Майлз и Ханна.

Благодарю Дженнифер Ганнелс из издательства Tor Books за ее обстоятельные отзывы.

Наконец, особое спасибо моему редактору в издательстве Tor, Дэвиду Г. Хартвеллу, за веру в эту книгу.

1

Он попытался открыть глаза, но их словно намазали клеем, поэтому он просто измученно лежал, слушая крики. Щека упиралась во что-то твердое. Похоже, он лежал на гальке. Неподалеку лаяла собака.

Собака. Слово ворвалось в его сознание, словно он только что его придумал. Тем не менее он знал, что такое собака. Как только он вспомнил слово, в голове появилась картинка. Четвероногое, покрытое шерстью животное с виляющим хвостом.

Его разум становился яснее, энергия возвращалась.

Он с усилием открыл глаза.

Мир наполнялся удивительно яркими красками. Вдруг мимо пробежал кто-то в зелено-белых кроссовках. Человек будто передвигался по стене. Но ему все это показалось – он лежал на боку.

Как только ему удалось сесть, мир перед глазами покачнулся и поплыл, но вскоре обрел четкие очертания. Его окружали высокие здания, а по улице были разбросаны легковые автомобили и грузовики. Все было неподвижным. Из-за ближайших строений клубился густой черный дым.

В нескольких метрах от него согнулась розоволосая женщина, прячущая лицо в ладонях. На ее руках были набиты красочные татуировки, изображающие цветы.

– Что происходит? – завопила она.

– Я не знаю.

Женщина испуганно подняла глаза.

– Вы меня знаете? Вы знаете, кто я?

– Нет. А вы знаете, кто я?

Женщина покачала головой.

Что-то случилось. Вся эта путаница, крики – это было не нормально. Ему нужно выяснить, что происходит. Может быть, ему удастся найти помощь. *Полицию.*

Прижав ладонь к тротуару и попытавшись встать, он почувствовал, как усиливается боль от большого пальца к запястью. Подушечку пальца украшал глубокий порез, вокруг которого запеклась кровь. Еще больше ее было на кончике указательного пальца и под ногтем. Значит, порез был сделан намного раньше. Шатаясь, он встал и посмотрел по сторонам. Рядом находилась маленькая серебристая тележка с желтым зонтом. В голове всплыло название: *киоск с хот-догами.* У бордюра был припаркован красно-белый автобус. В нескольких кварталах отсюда стояла толпа людей, повернутых к нему спиной.

Он пошел посмотреть, что они делают.

За тем местом, где стояла толпа, зданий не было.

Когда он приближался, небо становилось шире. Слившись с толпой, он увидел, что мир заканчивался в нескольких метрах от того места, где все стояли.

Вдалеке не было ничего, кроме неба.

Выщербленный асфальт и бетон отмечали край света. Из темной земли выступала канализационная бетонная труба – в ней струилась вода.

Он не мог ничего объяснить, но чувствовал, что так не должно быть. Небо казалось *слишком большим*, хотя он видел, что оно огромное.

В толпе стоял на коленях седовласый мужчина. Сгорбившись, он разглядывал маленькое фото, а за спиной валялось содержимое его бумажника. Когда он приблизился, старик поднял на него глаза и показал фотографию. На ней был запечатлен улыбающийся мужчина в черном костюме, держащий за руку пожилую женщину.

– Я нашел это в кармане. Должно быть, это люди, которых я знаю.

Ему потребовалось мгновение, чтобы понять, что старик не знал, что он один из тех людей на фотографии.

– Это вы, – сказал он, показывая пальцем на снимок.

– Я? – спросил старик, разглядывая фотографию ближе. – Это я.

В голосе прозвучало удивление.

Ему стало интересно, есть ли что-нибудь в его собственных карманах. Из передних он вытащил свернутую оберточную бумагу и игрушечного солдата.

В одном из задних карманов лежала фотография: улыбающаяся темноволосая женщина с веснушками обнимала круглолицего мужчину с песочными волосами. Они выглядели счастливее, чем кто-либо на свете.

Он передал снимок старику. Тот указал:

– Это вы.

Он изучил человека на снимке. Как это могло быть его лицо? Это был лик незнакомца. Он предпочел смотреть на женщину. У нее были чуть раскосые, яркие, умные зеленые глаза. Руки выглядели тонкими, как лапки фламинго.

Он внимательно всматривался в лица соседней толпы, надеясь обнаружить эту женщину среди них. Его взгляд остановился на пожилой даме, стоящей с краю толпы. Руки она держала в карманах черного свитера. Он взглянул на фотографию, лежащую на коленях у старика.

– Эй, вот она.

Старик встал и прищуренно вгляделся в толпу.

– Где?

– Вон там, – сказал он и, взяв мужчину за локоть, повел к женщине. Когда они подошли к ней, она повернулась и удивленно вскинула брови.

Старик посмотрел на фотографию, потом на пожилую даму, потом еще раз взглянул на снимок. Затем мужчина показал снимок женщине.

– Я думаю, здесь запечатлены вы. Со мной.

Дама вздохнула с облегчением.

– Вы меня знаете?

– Нет, – признался старик. – Но мы, наверное, как-то связаны, вам не кажется? На фото мы держимся за руки.

– Я не понимаю, что происходит, – сказала она, касаясь своего лица. – Я мертва? Да?

– Я не думаю, что мы умерли. Нет, – ответил старик.

Он был рад, что эти люди нашли друг друга. И тоже хотел бы найти женщину на своей фотографии, чтобы они вместе смогли бороться с тем, что здесь происходит.

– Я буду искать ее, – произнес он, вынимая снимок.

Старик кивнул.

– Спасибо вам. Я никогда не забуду доброту, которую вы проявили к совершенно незнакомому человеку.

Двигаясь дальше по краю толпы, он внимательно изучал другие вещи из своего кармана. Зеленый игрушечный солдат размером с большой палец, к которому с помощью ниток крепился маленький парашют.

Развернув оберточную бумагу, он остановился. На обороте ржаво-коричневым цветом было что-то нарисовано, какие-то неровные, смазанные и аляповатые круги. По листку тянулась цепочка овалов, ведущая к символу «X» вниз. Проведя по бумаге большим пальцем, он обнаружил в нижнем правом углу еще одно изображение: треугольник с двумя цифрами внутри – единицей и последующей за ней тройкой.

Он изучил запекшуюся кровь на пальце, посмотрел на овалы. Они имели такой же цвет. Он порезал большой палец и вывел эти овалы собственной кровью, а затем положил листок в карман. Оставил сообщение самому себе. Если он порезал себе палец для того, чтобы это написать, то, должно быть, знал, что что-то должно произойти. И это сообщение могло быть важным.

Осмотрев овалы и треугольник с цифрами внутри, он попытался понять их смысл, но не смог. Осторожно сложил бумагу обратно в карман и пошел дальше.

Толпы заполняли каждую улицу, люди стояли вдоль края света. Он всматривался в их лица, ища темноволосую женщину.

С каждым кварталом людей становилось все меньше и меньше, и наконец он оказался в пустынной, разрушенной части мира. Здесь осталось всего несколько сохранившихся зданий, остальные превратились в груды стали и бетона. Пробираясь через обломки, он поднимал почерневшие кирпичи и расплавленные электроприборы. Машины расплющило взрывом, вокруг бушевало пламя. Человеческих тел не было. По крайней мере, он не видел ни одного. Дыма также не было – значит, разрушение произошло давно.

Чувствуя себя опустошенным и подавленным, он присел на корточки и закрыл глаза. У него были серьезные проблемы. Как и у всех этих людей. Но он не понимал, в чем они заключаются. Ничего не имело смысла, ничто не связывалось друг с другом.

Что остается делать, кроме как продолжать искать женщину на снимке, искать ответы? Он двинулся дальше, оставаясь близко к краю света.

* * *

Ощущая голод и сухость во рту, он вернулся туда, откуда начал.

Мир был круглым и казался намного меньше, чем он себе представлял.

Большая часть толпы исчезла, включая мужчину и женщину, которых он воссоединил. Все, без сомнения, отправились на поиски пищи и места для ночлега. Он решил, что лучше последовать их примеру.

2

Двое пучеглазых детей, сидящих на крыльце многоквартирного дома, взглянули на него.

– Вы видели эту женщину? – спросил он, показывая фотографию.

Они синхронно покачали головами.

– Жаль. Ну, в любом случае спасибо.

Он почувствовал себя виноватым, оставляя их на произвол судьбы, но детей, принадлежавших самим себе, здесь было очень много. Он встречал таких в течение последних нескольких дней, когда заглядывал во все уголки мира, спрашивая каждого, кого встречал, видел ли кто-нибудь женщину на фотографии.

Надежда найти ее угасала, и, глядя на снимок, он чувствовал боль. Он очень хотел увидеть ее, хотя и понятия не имел, кто она такая.

На ногу налетел принесенный ветром оранжевый лист бумаги.

Он поднял его.

На нем были изображены четверо мужчин, трое держали музыкальные инструменты. *Гитара. Саксофон. Труба.* Сверху было размашисто напечатано несколько слов. Он прищурился, пытаясь различить буквы. Он понимал, где была А, а где К, и знал, что они что-то значат, но как ни старался, не мог сложить буквы в слова.

Некоторые слова вспоминались легко. Почему же он не помнит имя женщины на фотографии? А свое собственное?

Возможно, ему нужно выбрать себе имя на первое время. Он устал быть безликим. Сложив бумагу, он добавил ее в коллекцию подсказок, лежавших в карманах.

Возвращаясь домой, он перебирал имена, окончательно остановившись на Ключе, потому что был единственным среди всех, кто действительно искал разгадки. Остальные сосредоточились на поисках пищи и одежды. И оружия.

* * *

Окруженный найденными предметами, Ключ что-то бормотал про себя. Ноющая пустота в желудке мешала думать, и ему следовало бы найти еду. Но для начала он решил изучить каждую вещь и выяснить, как они связаны.

Лучшей подсказкой выступал кровавый рисунок, который он запомнил так хорошо, будто тот был выбит на его глазных яблоках.

Треугольник с числами мог быть флагом, потому что самая короткая его сторона – вертикальная – выступала внизу на сантиметр или около того. Но сказать точно было сложно, потому что рисунок был очень плохо выполнен. Отпечаток пальца размазал верхний круг. Он не мог понять, действительно ли так важны эти круги, что надо было рисовать их своей кровью.

Рядом с неразборчивым рисунком лежала длинная труба. Один конец ее был обшарпан и выгнут, как будто ее разорвал какой-то гигант, другой – аккуратно распилен с помощью ножовки из ящика с инструментами, найденного Ключом. Различные газеты, журналы и книги дополняли его коллекцию. В частности, в одной из книг находились фотографии улиц и зданий, которых не существовало, – они находились за краем света. Возможно, это все было лишь выдумкой, как и бесконечные водоемы, фантастические животные на снимках, но возможно и другое: может быть, мир когда-то был больше и что-то произошло, сделавшее его маленьким. Труба была наполовину разорвана, как будто к ней была применена невероятная сила.

Крик снаружи нарушил ход его размышлений. Он подошел к окну квартиры, которую сейчас занимал. Мужчины, державшие в руках винтовки, топоры и куски дерева, вели по улице десяток или более детей. Казалось, что он видел всех этих людей раньше, или похожих на них. Они складывали тонны продовольствия и припасов в помещение с тяжелыми стальными дверями и решетками на низких окнах. Однако Ключ не понимал, что им нужно от самих детей.

Схватив куртку, найденную в шкафу, он поспешил спуститься вниз.

К тому времени, когда он вышел на улицу, основная процессия скрылась из виду. Засунув руки в карманы, он повернул туда, куда направлялись остальные.

Ему следовало позаботиться об обеде. Магазины были пусты; люди переходили от здания к зданию, разбивая торговые автоматы и опустошая шкафы в незанятых квартирах, а иногда и в занятых.

Еду нужно было где-то достать. Ключ еще не отыскал ни одного места, где можно добыть консервные банки или где росли фрукты и овощи. Растительная пища есть, это он знал точно. Яблоки росли на деревьях, а морковь – в земле. Но где? Если бы он мог понять, что произошло, возможно, он смог бы решить проблему продовольствия. Если не получится, скоро наступит кошмар.

Откуда-то раздались звуки стрельбы. Он остановился и прислушался. В тишине он ясно различал выстрелы, перемешанные с криками. Пронзительными, леденящими кровь криками детей.

Побежал на звук. Он попытался представить, что могло так испугать детей. Крики стали громче, как только он повернул за угол кирпичного здания.

Резко остановился.

Одни мужчины целились оружием в толпу наблюдателей. Другие сталкивали детей с края света.

– Что вы делаете? – крикнул Ключ, мчась в сторону обрыва. Кричащий маленький мальчик цеплялся за ногу толстого мужчины, пытаясь освободиться, пока тот спихивал его в пропасть.

Ключ приблизился к толпе наблюдателей, умолявших мужчин остановиться. Семь-восемь мертвых тел лежало у ног тех, кто держал оружие.

– Что вы делаете? Что вы делаете? – кричал Ключ, проталкиваясь через толпу.

– Они говорят, что не всем хватает еды, – сказала женщина-азиатка. – Мы должны их остановить.

Однако было слишком поздно. Дети исчезли. Часть мужчин застыла на месте с оружием наготове, а те, которые находились на краю света и столкнули всех детей, просто стояли, опустив руки. В глазах некоторых из них стояли слезы, другие морщились, словно только что съели что-то гнилое.

За спиной Ключа поднялся шум. Он резко обернулся.

Мужчины, ведущие еще больше детей.

– С дороги! – крикнул один из них. – Живо, или мы будем стрелять!

Крича на мужчин, толпа расступалась, но Ключ, азиатка и еще два человека преградили им путь. Дети выглядели напуганными и потрясенными, но явно не понимали, что хотят с ними сделать.

Грянуло два выстрела. Мужчина слева от Ключа дернулся и рухнул на асфальт с кровавой дырой в груди. Он прижимал рану, задыхаясь и морщась от боли.

Ключ взял азиатку за плечо, подталкивая ее к толпе. Слившись со всеми, они наблюдали за проходящими мимо детьми.

Когда их снова стали сбрасывать с края света, Ключ упал на колени. Он зажал руками уши. Их крики были невыносимы, они могли убить его точно так же, как пули.

– Пожалуйста, нет, не надо, пожалуйста, нет, – умолял Ключ, закрывая уши. Он должен был это остановить. Он скорее умрет, чем вынесет происходящее. Ощущая дурноту, Ключ поднялся на ноги и начал протискиваться сквозь толпу.

И опять было слишком поздно. Дети исчезли. Остались лишь всхлипывания наблюдателей.

– Это для вашего и нашего блага, – крикнул один из карателей. – Кто-то должен это делать, иначе мы умрем от голода.

Это был высокий молодой мужчина с черными кругами под голодными глазами.

Сотни криков, проклятий, уговоров смешивались с бессвязным воем наблюдателей. Скрестив руки на груди, один мужчина повернулся спиной к толпе и покачал головой, как бы говоря, что все они дураки.

Люди с оружием оставались на своих местах, вселяя в Ключа уверенность, что придет еще больше детей. Что они собирались делать? Собрать всех детей и сбросить их с обрыва? А за ними последуют самые слабые взрослые? Вероятно, так и будет.

Он услышал детский плач, и через мгновение из-за угла появилось еще больше вооруженных людей, ведущих детей.

– Нет. О нет, – простонал Ключ, кладя руки на колени и наклоняясь вниз. Его мутило. Но не вырвало, хотя в животе разыгрывалась буря. Если он помешает мужчинам, они его застрелят и настанет конец. Он мог совершить это самоубийство, или просто стоять и смотреть, или убежать. Вот такие варианты.

Он решил бежать. Если бы он мог сохранить жизнь хотя бы одному ребенку, то пришлось бы остаться и страдать от этого ужаса. Но зачем на это смотреть, если он не в силах никому помочь?

Застыв на месте, Ключ выпрямился, глядя на приближающуюся линию детей. *Сможет ли он спасти одного из них? Хотя бы одного?*

Он вспомнил старика, которого встретил в Первый День, пожилую даму и их фотографию. Вытащил из кармана свой снимок. Ключ двинулся к детям. Его встретили три дула винтовок.

– Она со мной, – сказал он, размахивая снимком и указывая на ближайшего ребенка – маленькую девочку. – Я нашел эту фотографию нас двоих в моем кармане.

Приблизившись к девочке со смуглой кожей, он обнял ее и сказал:

– Я нашел тебя. Наконец-то я тебя нашел.

Подхватив ее за локоть, он пошел в гущу толпы.

– Эй, а ну-ка вернись! – крикнул седой бородатый мужчина, поднимая винтовку.

– Она моя, идиот! – воскликнул Ключ, размахивая фотографией. Его сердце трепетало, виски пульсировали. – Если мы на этом снимке вместе, значит, это моя дочь или кто-то в этом роде.

Когда он повел девочку к толпе, человек с винтовкой дернулся. Ключ сжался, ожидая выстрела. Добравшись до людей, он взял ребенка за другую руку. Женщина-азиатка сказала ему:

– Нужно увести ее отсюда, пока они не передумали.

– Подождите, – произнесла девочка, высвобождая запястье из руки Ключа. – Мы должны забрать Фиалку.

– Мы не можем, – сказал Ключ. – Прости. Во второй раз это не сработает.

– Фиалка – мой лучший друг, – стояла на своем девочка.

Ключ подхватил ее на руки и сорвался с места.

– Что они делают? – оглядываясь, спросила девочка, услышав начавшиеся вопли. – Почему они кричат? Фиалка?

– Не смотри, – сказал Ключ. – Закрой глаза.

Азиатка шла впереди, поворачивая то налево, то направо, для того чтобы запутать преследователей. Через разбитую витрину она провела его и девочку в большой магазин одежды. Как только они оказались в подсобке, женщина жестом указала им сесть на разбросанные куртки на полу. Чувствуя, как болят его ноги, Ключ выпустил девочку из объятий. В ушах до сих пор раздавались крики. Он глубоко и судорожно вздохнул, пытаясь взять себя в руки.

– Что они сделали с Фиалкой? – спросила девочка.

– Это ужасные люди, – ответил Ключ.

– Я это знаю, – сказала она. – Что они с ней сделали? Они...

Ее голос опустился до шепота:

– Они ее толкнули?

– Да.

Девочка покачнулась.

– Они охотятся на всех, кто не может себя защитить, – сказала женщина. – Они опустошили дом престарелых на другой стороне от края света.

– Что происходит? – спросил Ключ. – Должна быть причина, по которой все это случилось.

– Откуда мы можем знать? Никто ничего не помнит.

Вытащив все из кармана, он развернул оберточную бумагу и передал ее женщине.

– Я нарисовал это своей кровью до...

Он замялся, пытаясь подобрать правильные слова. До чего?

– До всего этого. Вы не видите здесь смысла?

Пока женщина изучала рисунок, Ключ показывал девочке игрушечного солдата.

– Смотри, – сказал он, сжимая парашют солдата в кулаке и подбрасывая его к потолку магазина. Игрушка неторопливо опустилась на пол.

– Хочешь попробовать?

Подбросив солдата в воздух, она принялась его ловить. Он спрашивал себя. Почему игрушка оказалась у него в кармане? У него где-то был ребенок? Может, прямо сейчас ее или его сбрасывали с края света в пропасть?

Или он должен был обратить внимание на *парашют*?

– У тебя есть какое-нибудь имя? – спросил у девочки Ключ.

Она называла свою подружку Фиалка, возможно, у нее самой тоже было прозвище.

– Все девочки выбрали себе названия цветов, – ответила она. – Я – Маргаритка. Мальчики выбрали названия животных.

– Привет, Маргаритка. Я называю себя Ключ, – сказал он, радуясь тому, что спас эту восхитительную маленькую девочку с листиком, запутавшимся в ее вьющихся волосах, и глазами бойца. Этого достаточно, так и должно было быть. Ему нужно выбросить других детей из головы.

Протянув ему рисунок, женщина покачала головой.

– Я тоже ничего не понимаю.

– Как я могу вас называть?

Ему стало приятно, что есть люди, с которыми можно поговорить. До встречи с ними Ключ был слишком занят, чтобы по-настоящему понять, насколько он одинок.

– Я не знаю. Посмотрим, – ответила она, посмотрев в потолок. – Если женщины берут имена цветов, почему бы вам не называть меня Орхидеей?

– Орхидея, договорились.

– Я очень голодна, – сказала Маргаритка.

Ключ посмотрел на Орхидею:

– У меня осталось две банки тунца. Больше ничего. Я готов поделиться.

Орхидея кивнула:

– У меня есть некоторые запасы. Идем.

Ключ последовал за ней на улицу, где она указала на здание, возвышающееся над остальными.

– Но нам нужно подняться. Я живу на сорок первом этаже.

Ключ кивнул, глядя на башню. Мрачную, ее вершина скрывалась в облаках.

– Умный ход. Чем выше, тем безопаснее. Кто бы стал подниматься на сорок первый этаж без надобности?

– У меня около двух десятков банок и пакетов. Я хочу поделиться ими с человеком, который рискует жизнью ради спасения ребенка, – произнесла она, поднимая тонкие брови. – Почему бы нам не забрать ваш тунец и не объединить наши припасы?

Мысль о спутнике, союзнике, с которым можно пройти через весь этот ад, грела его. Он был благодарен этим людям.

– Звучит неплохо. Но мне нужно забрать и другие вещи. Я собираю подсказки, пытаюсь во всем разобраться.

– Хорошо, мистер Ключ, – сказала Орхидея. – На сорок первом этаже достаточно места. Это офисное здание, а не жилой дом. Не нужно беспокоиться о шумных соседях.

Тем не менее им все равно придется побеспокоиться о еде, когда она закончится. Возможно, на верхних этажах башни остались торговые автоматы. И что бы они ни делали, когда их припасы иссякнут, появятся серьезные проблемы. Ничего хорошего их не ждет.

3

Пытаясь оставаться незамеченным, Ключ посмотрел на улицу сквозь сломанную, когда-то вращающуюся дверь. Неподалеку находились восемь человек: кто стоял, а кто сидел прямо на машинах. Как минимум у троих было огнестрельное оружие, остальные держали или сломанные трубы, или ножи.

Что ночью, что днем на улице всегда были люди. Лучшего времени, чтобы выходить наружу, не было. Он повернулся к Орхидее и Маргаритке.

– Не смотрите прямо ни на кого, но и не позволяйте им думать, что вы боитесь. Ведите себя так, будто знаете, куда и зачем направляетесь.

Вытерев ладонь об рубашку, Ключ поудобнее взял нож для разделки и резки мяса. Орхидея сжимала свой так сильно, что у нее побелели костяшки пальцев.

– Вперед.

Они шагнули через дверную раму и двинулись по улице. Маргаритка шла посредине. Высокий, загорелый мужчина указал на них. Компания умолкла и, повернувшись, посмотрела на Ключа, Маргаритку и Орхидею. Те специально облачились в обтягивающую одежду, из-под которой было видно, что у них нет еды и вообще ничего, кроме ножей. Немного посоветовавшись, компания мужчин отвернулась.

Напряжение несколько спало. Удалось избежать пуля. Ключ не думал, что им посчастливится долго пробыть в безопасности, но у них не было еды, и это помогло не стать связанным и скинутым с обрыва Стальной бандой. От самой мысли о хлебе желудок Ключа сжимался, а рот наполнялся слюной. Он даже и не думал, что голод может быть таким. Он ожидал, что будет худо, но не был готов к такому страшному, безумному желанию быть сытым. Как бы он ни старался думать о других вещах, мысли возвращались к острому соусу, гамбургерам и мягким булкам, шоколадному печенью, крекерам с маслом и куриному супу с лапшой. От голода болела голова.

Он переступил тело рыжеволосой женщины, чьи руки и плечи покрывали веснушки. На ней не было заметных ран, вероятно, она умерла от диареи. Орхидея настаивала на том, что они могут избежать этого, если будут кипятить воду, взятую из озера в ближайшем парке. Ключ не понимал, откуда она это знала и как кто-то вообще может что-либо знать. Так они стали кипятить воду.

– Сюда, – сказала Орхидея, указывая на узкую улицу, частично заблокированную грузовиком. Вдалеке кто-то кричал. Это был страшный крик – не от голода или болезни, а от боли.

Они протиснулись мимо грузовика. За машиной на длинных белых проводах, привязанных к столбам и линиям электропередачи, висело около тридцати или сорока тел. Ключ протянул руку, чтобы закрыть глаза Маргаритке, но та оттолкнула его. Опустив голову, он пошел дальше, наступая на тени повешенных.

Его внимание привлекло мимолетное действие: четыре человека – мужчины и женщины – выходили из многоквартирного дома по правую сторону. Седовласый мужчина, шедший впереди, держал винтовку. Ключ замер. Заметив его, старик приподнял оружие.

– Это вы, – сказал он, опуская винтовку.

Ключ, прищурившись, внимательно его разглядел. Это был старик, с которым он встретился на краю света в Первый День. Ключ облегченно рассмеялся и поприветствовал мужчину:

– Приятно видеть вас снова.

– Кто это? – спросила Орхидея.

Пока Ключ объяснял, они встретились четко под телами повешенных людей.

– Какой прекрасный день, а? – сказал Ключ после знакомства.

Он назвал себя Дедушкой и широко улыбнулся в ответ на шутку Ключа.

– Вы ищете еду?

Ключ кивнул.

– У нас остались две банки фасоли.

Сложив руки, Дедушка посмотрел на тела, висевшие над улицей.

– Беда в том, что никогда не знаешь, какое место уже обыскали, пока не увидишь, что дверь выбита. Мы все раз за разом прочесываем одни и те же места.

Ключа пугала мысль о том, что, возможно, повсюду уже все обыскали и еды больше нигде не найти.

– Та женщина, с вами на снимке, она...

«Еще жива?» – хотел сказать он, но не смог.

Дедушка покачал головой.

- Умерла от болезни. Десять дней назад.
- Соболезную вашей потере, – сказала Орхидея.

Ключ кивнул. По крайней мере, ее не повесили, не зарезали или не сбросили с обрыва. Ему стало интересно, как Дедушка повстречал своих спутников. Один был молодым, еще не мужчина, но уже не мальчик. У двух женщин пробивалась седина.

– Вы извините нас на секунду? – спросил Дедушка, отводя своих товарищей чуть в сторону. До Ключа и его спутников доносились их низкие оживленные голоса. Ему было любопытно, о чем они говорят.

Дедушка развернулся.

– Нас девять человек. Мы делимся тем, что находим, и защищаем друг друга. Вы хотите к нам присоединиться?

– Да, – ответил Ключ, прежде чем прозвучали последние слова мужчины, и посмотрел на Орхидею, вопросительно подняв брови.

– Да. Огромное спасибо. Всем вам.

– Не благодарите нас, это в основном личные интересы, – сказал Дедушка. – Никто нас не тронет, если мы будем передвигаться группой и будем вооружены.

Он похлопал по плечу стоящего рядом с ним прыщавого парня:

– Сила в количестве.

4

Под высоким потолком музея висели восемь больших разноцветных шаров. Один был оранжево-красным, еще один – ярким сине-белым. Вокруг еще одного смыкалось кольцо – как ореол, только нарушенный в середине.

Они что-то значили, эти шары. Они были важны.

Ключ вернулся к работе над своим парашютом. Шов шел криво, а стежки распределялись не так неравномерно, как на парашюте игрушечного солдата.

– Вот ты где, – прозвучал голос за спиной Ключа.

Он принадлежал Дедушке, который стоял в дверном проеме, уперев руки в бока.

– Я думал, ты собираешься отправиться на поиски еды.

Скулы Ключа напряглись.

– У нас более чем достаточно людей. Вместо этого я решил поработать над парашютом.

Дедушка взглянул на предмет.

– Не тратил бы ты слишком много времени на эту ерунду. Нам нужно сосредоточиться на том, чтобы не умереть с голоду.

Возникло неловкое молчание – Ключ испытывал то гнев, то стыд. Его возмущали эти упреки. Дедушке не нужно рассказывать о своих приоритетах и планах. Но в то же время он не приносил так много еды, как большинство других.

– Я думаю о вещах, которые нашел в кармане в Первый День. Каждый человек, с которым я разговаривал, находил у себя в кармане кошелек и одну фотокарточку, на которой он был изображен. Я – нет.

Дедушка пожал плечами.

– И что?

– Думаю, что специально избавился от своего кошелька. Полагаю, я хотел, чтобы нашел только три вещи в своем кармане, – сказал Ключ, поднимая игрушечного солдата. – Поэтому я и положил его в карман. Думаю, он связан с парашютом.

– Что ты, черт возьми, собираешься делать с парашютом? – воскликнул Дедушка, вскидывая руки к потолку. – Спрыгнуть с крыши?

Ключ посмотрел на его руки.

– Еще не знаю.

– Так как съесть его мы не сможем, – продолжал Дедушка. – И я не знаю, заметил ли ты, но у нас осталось восемьдесят семь банок и пакетов пищи в заглазнике, а потом...

Он сложил руки и вспылл:

– Я поручился за тебя. Пожалуйста, не заставляй меня сожалеть об этом.

Это была правда, он действительно поручился. Ключ был бы уже мертв, если бы не Дедушка. Орхидея и Маргаритка тоже. Ключ отставил свой парашют в сторону.

– Хорошо. Что я могу сделать?

Дедушка повременил с ответом.

– Вскипяти немного питьевой воды, затем выбери из кладовой пять банок еды для обеда и раздели все поровну.

– Конечно, – сказал Ключ, складывая парашют и пряча его под мышку.

Когда он проходил мимо, Дедушка похлопал его по руке.

– Спасибо.

Ключ остановился.

– Я не шучу. Нам нужно выяснить, что произошло. Пока мы не разберемся с проблемой, мы не узнаем, где искать ее решение, а если мы не найдем решения, большинство из нас умрет. Неважно, как старательно мы ищем пищу, еды много только где-то за краем света. Как только она исчезнет, крыс, голубей и жуков не хватит, чтобы сохранить жизнь более чем ста людям, и вы знаете, что эти чертовы Стальные сделают все возможное, чтобы эта сотня была из их числа.

Положив руку на плечо Ключа, Дедушка спросил:

– А как шитье парашюта приблизит нас к пониманию того, что произошло?

Ключ прикрыл глаза.

– Я порезал большой палец и сделал рисунок своей кровью. Я положил его в карман вместе с парашютом и фотографией. У меня, должно быть, была причина, – произнес Ключ и, не дожидаясь ответа, направился в кладовку.

* * *

Убедившись для начала, что за ним через огромное окно первого этажа музея не наблюдают незнакомцы, Ключ взял стоявшую у высокой мраморной стены стремянку. Установил ее перед массивным чучелом слона, поднимающим хобот вверх, как будто трубя, а затем залез в открытую пасть экспоната и достал оттуда ключ от кладовки.

Включив фонарь, взятый из кучи предметов на полу, он прошел через зал с чучелами более мелких животных к помещению, похожему на пещеру и уставленному скелетами динозавров. За ним находилась лестница, ведущая в камеру хранения.

Открыв замок, Ключ положил его на полку и опустил отмычку в задний карман. Когда их группа перебралась в музей, они нашли замок уже висющим на огромной стальной двери, а ключ от него находился в столе на связке вместе с другими. Это был самый внушительный замок, который обладатель парашюта когда-либо видел.

Банки и пакеты с едой расфасовали по полкам. Всего восемьдесят семь. Это было не так много, но для людей, голодающих на улицах, это был бы клад. Ключ ненавидел выходить наружу и наткаться на таких, лежащих на тротуарах, просящих милостыню и слишком слабых для того, чтобы что-то делать.

Набрав полные руки банок, он зашел за угол и выложил их на стол, который служил их импровизированной кухней. Затем вернулся и закрыл кладовку.

Подойдя к столу, Ключ заметил внизу зала картину, которую не видел раньше. Цветные шары в ночном небе, окруженные великолепным ореолом ярких звезд. Они были того же цвета, что и шары, свисающие с потолка в другой комнате. Может, эти шары принадлежали небу?

Дело в том, что он смотрел в ночное небо десятки раз и никогда не видел ничего, кроме звезд и луны. Разве эти шары исчезли точно так же, как и часть того, что существовало до произошедшей катастрофы?

А как же все эти животные? Он знал, что они должны были жить и бродить по земле. Почему в мире не было ни слонов, ни тигров?

Так много вопросов. Ключ сел, взял консервный нож и начал распределять еду по тарелкам, чтобы потом отнести их в зал с чучелами китов, где ела группа.

Он чертовски надеялся, что его люди нашли больше еды, чем в прошлые разы.

5

Орхидея отправилась на поиски дров, так как в костре уже потрескивали догорающие угольки. Свет в «пещере» стал таким тусклым, что Ключ едва мог разглядеть гигантского кита, висящего над потолком.

Возле него калачиком, положив голову ему на руку, скрутилась и тихо плакала Маргаритка.

– Я знаю, – прошептал он. По какой-то причине после того, как они поели, голод стал еще сильнее. Вкус, оставшийся во рту, вызывал страшное стремление к еще большему количеству еды.

– Что, если мы откроем еще одну банку? – спросил Ключ. – В кладовой есть банка персиков.

– Персики! – воскликнула Маргаритка, поднимая голову.

Дедушка бросил на него испепеляющий взгляд.

– Что такое одна банка? – спросил Ключ.

– Почему бы и нет? – сказал Рыба. Он выглядел слишком молодым, чтобы иметь такую темную бороду. – У нас был хороший день. Мы убили четырех крыс.

К ним присоединились еще пять членов группы.

Покачивая головой, Дедушка сказал:

– Хорошо. Если все этого хотят, кто я такой, чтобы спорить?

Группа людей, возглавляемая Дедушкой, вытащившим из огня деревяшку, чтобы светить ей как факелом, направилась к кладовой.

Орхидея шла в ногу с Ключом.

– Знаешь, я думала о твоём рисунке. Что, если он ничего не значит?

Ключ озадаченно посмотрел на нее.

– Что, если это было всего лишь последнее жертвоприношение каким-то богам, в которых ты верил в то время? Или, может быть, все мы были в бреду.

Ключ улыбнулся. Он задумался, могли ли относиться слова Орхидеи к фотографии ровно так же, как и к рисунку.

– Может быть, верующие правы и до Первого Дня ничего не было. Возможно, боги оставили рисунок и порезали мне палец, как испытание моей веры.

Орхидея тотчас вышла из себя:

– Дело в том, что мы понятия не имеем, *что* происходило, так зачем переживать о рисунке?

Или снимке. Орхидея была яркой и красивой женщиной и не стеснялась намекать, что они становятся больше чем друзьями. Но, как ни странно, Ключ тосковал по той, которую не помнил, которая, судя по доказательствам, была такой же мифической, как живые слоны и океан. Он не мог любить Орхидею, потому что все еще любил ту женщину.

– Подожди, – раздраженно сказала Орхидея, когда они подошли к двери в следующую комнату.

Он терпеливо ждал, пока она перейдет в другой конец помещения, а затем последовал за ней, спокойно считая шаги. Очевидно, Орхидея нарушила одно из своих правил. Ей пришлось пройти комнату за четное число шагов. Ключ не понимал, почему она настаивала на том, чтобы следовать стольким бредовым правилам, но в этом не было никакого вреда.

Внезапный крик впереди заставил Ключа и Орхидею стремглав броситься вниз по узкому коридору, ведущему в кладовку.

Рыба стоял на корточках перед открытой дверью камеры хранения. На его коленях лежал рыдающий Масло.

Камера была пуста. Полностью.

– Это племя Стали. Спорю на что угодно, – сказал Рыба. Он стоял в пустой камере, сложив руки на груди.

– Тогда мы ничего не вернем, – проговорил Дедушка. – Их не меньше двухсот человек.

Осознание того, что произошло, обрушилось на Ключа, словно камень. Это был смертный приговор. Эти мародеры обобрали почти каждый уголок и щелку в мире. Для них также не осталось неоткрытых тайников в дикой природе, но они не могли обойтись крысами, кошками, голубями и жуками.

– Мы можем украсть у них все ночью, как они это сделали с нами... – сказал Рыба.

– Они узнают, что это мы, и убьют нас, – произнесла монотонным, безнадежным голосом Орхидея.

– Где замок? – озираясь по сторонам, спросил Дедушка.

– Что вы имеете в виду? – спросил Рекс. – Они каким-то образом сломали его.

Держа факел перед собой, Дедушка осмотрел скобы, на которых висел замок.

– Но где он? Зачем им уносить сломанный замок? – проговорил он, поднимая глаза. – Кто последним заходил сюда?

– Сегодня я брал дневной паек, – сказал Ключ. – Но я потом запер замок, если вы об этом...

Ключ запнулся. Он вспомнил, как брал банки и, прикрыв дверь ногой, нес их к столу, положил, а затем вернулся...

Ключ закрыл глаза.

– О нет, боже, нет.

Дедушка подошел к полке и взял открытый замок.

Ключ увидел это – и пришло страшное осознание. Он не возвращался, чтобы запереть дверь.

Ключ взглянул на Маргаритку, которая стояла, прижавшись лбом к двери, и снова закрыл глаза.

– О боже. Я убил всех нас.

Никто не возразил.

Этого не могло случиться. Он не сможет смотреть, как Маргаритка будет умирать от голода, зная, что это его вина. И Орхидея, и все остальные из его группы.

– Мне очень жаль.

Он должен был найти способ вернуть их еду. Но как ему это удастся? Мог ли вообще кто-нибудь это сделать?

6

Доверившись интуиции, Ключ тащился по темной лестнице. Боль пульсировала в лодыжке. Кроссовки были слишком тесными, и, скорее всего, его нога сильно опухла. Не хотелось останавливаться и смотреть, насколько плохи дела. Это был пустяк. Он должен потерпеть боль, пока все не выяснит.

Парашют игрушечного человечка раскрывался каждый раз, если он правильно его складывал, в то время как его собственный не раздулся ни разу. Это могло быть связано с разницей в весе между ним и «маленьким прыгуном», но Ключ думал, что дело в другом. Он подозревал, что ему самому не хватало скорости. Это имело смысл: Ключ смог бы раскрыть парашют над землей, но только если бы бежал очень быстро или дул сильный ветер. Воздух – вот что необходимо.

Открыв тяжелую дверь, он инстинктивно прикрыл рукой глаза, яркое полуденное солнце ослепляло его. Черная смоляная крыша под ногами была горячей и липкой. Опустив голову, чтобы не смотреть на солнце, Ключ подошел прямо к краю карниза.

Когда он увидел, на какой высоте находится, он сделал полшага назад и посмотрел на грудку матрасов, находившуюся теперь не тремя, а *пятью* этажами ниже. Снизу тюфяки выглядели куда внушительней, но отсюда они казались совсем крошечной мишенью для прыжка. Маргаритка, стоявшая рядом с матрасами, помахала ему рукой. Ключ ответил тем же с несколько меньшей радостью.

Это должно было сработать, иначе он серьезно пострадает, даже если упадет на матрасы.

Из-за угла соседнего здания появились три фигуры. Но с такой высоты они выглядели странно – какие-то приплюснутые и размытые.

Ключ напрасно тратил время. Повертел головой влево и вправо, чтобы расслабить напряженные мышцы шеи, встряхнул запястьями, потом он шагнул на низкий выступ шириной в два кирпича и в последний раз взглянул на грудку матрасов, мысленно повторяя порядок действий.

Прыгнуть, пролететь как минимум два этажа, чтобы набрать скорость, затем вытянуть трос. Если парашют не раскроется, свернуться в клубок.

Снизу доносился смех. Три пришедшие фигуры наблюдали за ним.

Пускай смотрят, пускай смеются. Ключ глубоко вздохнул и прыгнул. Зависнув на миг в воздухе, он рухнул вниз, слыша нарастающий свист ветра, и, выдержав столько времени, сколько мог, потянул трос.

Он почувствовал, как парашют выскочил из ранца, и услышал его свист. Подвесная система вызвала резкий приступ боли от ребер до подмышек. Он поднял глаза: парашют раскрылся частично и из-за спутанных строп медленно вращался.

Смотря вверх, Ключ рухнул на матрасы, неуклюже отскочил и со звуком «уфф» шлепнулся грудью в грязь.

Парашют плавно опустился, а наблюдатели чуть не рыдали от смеха.

Ключ вскочил, задыхаясь от радости. Выпутавшись из строп, он ринулся к Маргаритке и подкинул ее в воздух.

– Ты это видела?

– Да, да, я видела! – смеялась Маргаритка. Она была слишком худой – кожа и кости с выступающими скулами и впалыми глазами.

Теперь, пережив падение, Ключ понял, как исправить механизм парашюта. Опустив Маргаритку на землю, он повернулся к незванным гостям, в которых тотчас узнал Босого, Красного и Бегуна из достаточно безобидного Подземного племени.

– Приготовьте ваши банки с консервами, господа, это не займет много времени.

– Да ты, видно, шутишь, – сказал Красный, указывая на небо. – С такими успехами ты мог набить этот ранец кирпичами.

Спутники Красного загоготали.

– Продолжайте смеяться, – сказал Ключ, не в силах сдерживать улыбку. – И не забудьте всем рассказать. Я *буду* прыгать, но за прыжок каждый из как минимум двух сотен человек будет платить банку еды.

– О, конечно, не сомневайся, – сказал Красный, но его тон дал понять, что он считает Ключа заблуждающимся идиотом.

Это лишь усилило желание Ключа прыгать. Он сделает это. Он спасет своих людей. Над парашютом еще нужно поработать и сделать так, чтобы подвесная система не врезалась в подмышки. Все, чем он будет руководствоваться, – система игрушечного парашюта, но он во всем разберется.

– *Ключ*, – смеясь, выдавил Бегун. – Тебе больше подошло бы Без Ключа. Тормоз. Лопух.
– А еще лучше *Фоллер*, – добавил Красный.

Друзья Красного заржали так, как будто это была самая смешная вещь в их жизни. Однако Ключу понравилось это имя. Даже больше, чем Ключ. Фоллер. Оно казалось правильным, оно устраивало его. С этого момента он будет Фоллером.

7

Самый быстрый путь к башне пролегал прямо через центр города, но с таким количеством людей, которые следовали за Ключом, было легче пройти по краю света, где было меньше ржавых автомобилей, преграждающих путь, и меньше валяющегося мусора.

Фоллер вплотную приблизился к краю, осознавая, что малейшее движение кирпича под ногой – и он отправится в вечность. У него были две причины идти так близко. Во-первых, это нервировало людей, следующих за ним. Во-вторых, его успокаивала необъятность неба, а Фоллеру требовалось умиротворение. Сомнение и беспокойство с каждым шагом только нарастали.

– Не делай этого, – сказала Орхидея. – Мы найдем другой путь. – Она продолжала считать свои шаги, даже когда говорила, поочередно загибая большой и указательный пальцы. Так Орхидея понимала, какое количество шагов они совершают, четное или нечетное.

– Люди запомнят эту дату, как запомнили Первый День, – произнесла Маргаритка, которая делала в два раза больше шагов, чтобы поспевать за Фоллером и Орхидеей.

Орхидея откинула голову и издала короткий смешок, более сердечный, чем Фоллер когда-либо слышал от нее.

– Я не думаю, что Фоллера, разбивающегося насмерть, можно сравнить с Первым Днем.

– А я думаю, можно, – сказала Маргаритка, обходя лежащий фонарный столб. – Все будут обсуждать это годами.

– Этот случай будут помнить так же, как ту историю со стариком Раздражителем, когда его с пятого этажа столкнула собака, пытавшаяся забрать бобы, которые он ел.

– Может, не будем отходить от темы? Мы говорим о том, как люди будут петь обо мне песни, – сказал Фоллер, посмотрев на Орхидею. – И не могла бы ты прекратить связывать со мной всех людей, разбивающихся насмерть?

Орхидея схватила его за руки и остановила.

– Я пытаюсь нарисовать образ, который привел бы тебя в чувство. – Ее темные глаза, похожие на два полумесяца, смотрели на него. – Потому что я забочусь о тебе. Больше, чем ты думаешь. Пожалуйста, не делай этого.

– Со мной все будет хорошо. – Он пытался говорить спокойно, несмотря на все сомнения. Но если с ним что-нибудь случится и он умрет, то, по крайней мере, за попытку исправить свою ошибку. – Пошли, все ждут.

Они подошли к той части обрыва, от которого оторвался кусок асфальта, открыв вид на голубое небо и розово-белые облака внизу. Выглянув из-за края света, Фоллер увидел остатки обломленных огромных труб, выступающие над пропастью из скалы, а чуть ниже – зияющее отверстие, которое, как он понял, было когда-то одним из туннелей метро.

Направляясь к башне, они вышли почти к центру города, проходя мимо разграбленных магазинов. К штанам Фоллера постоянно цеплялись сорняки. Они прошли под гигантским

рекламным щитом – симпатичные люди, которых никто бы и не вспомнил даже в те времена, курили сигареты.

Фоллер вытер потные ладони о комбинезон.

Они свернули в сторону красно-коричневых кирпичных зданий, обнимающих узкую вымощенную улочку.

– Вот он, – крикнул кто-то сверху.

На крыше одного из многоквартирных домов сидели девочки-подростки. Вероятно, действительно выгодная и к тому же бесплатная точка, откуда можно наблюдать за его прыжком. Он помахал своим поклонникам. *Поклонники* – единственное слово, которое Фоллер смог придумать, чтобы их описать. Это было одним из тех слов, которым он еще никогда не пользовался, потому что не к кому было его применить. И вот внезапно оно пригодилось. Фоллеру нравилось иметь поклонников. Он зашагал бодрее.

– Смотрите, – сказала Орхидея, указывая на что-то.

Фоллер посмотрел вниз. Торчащая бедренная кость, которую кто-то запихнул в водосток. Рядом засунули череп. Вероятно, какой-то человек нашел эти останки в квартире, которую хотел занять.

Через два квартала они добрались до блокпостов, которые были возведены вокруг башни племенем Стали для взимания платы. Фоллера не покидала мысль, что сами Стальные получают десять процентов от выручки с его прыжка и свободный вход. Да, они были истинными ублюдками, которые первые стали красть еду у других. Но такое маленькое племя, как у Фоллера, никогда не сможет справиться с такими соперниками без союзников. По крайней мере, это гарантировало, что тех, кто осмелится пройти без оплаты, будет немного. Мало кто рискнет не заплатить одну банку еды, не будучи сброшенным с обрыва. В квартале толпа людей становилась все больше и шумнее. Фоллер прибавил темп, пошел быстрее.

На улице вдоль башни столпилось столько народу, сколько Фоллер еще никогда не видел в одном месте. Многие оделись на это событие во все лучшее, что у них было: юбки, костюмы, яркие банданы, ковбойские сапоги. Большая часть одежды была изношена, вымазана и измята до неузнаваемости. Это было удручающе, как и в Первый День, когда красочные цвета мира сменились коричневой грязью и ржавчиной.

Когда Фоллер подошел, толпа взревела. Подняв руку, он заметил среди сорняков у рушащегося фонтана странный холм. Потребовалась секунда, чтобы понять, что это была груда подушек и матрасов. Остановившись, он указал на холм. Толпа взорвалась смехом.

– На всякий случай! – закричал Рыба, стоявший рядом с кучей. Его слова вызвали еще один приступ смеха.

– Эта куча должна быть намного больше, если мой парашют не раскроется! – выкрикнул Фоллер.

От волнения скрутило живот. Он не готов сейчас шутить, но для людей этот прыжок – отличный повод для праздника и веселья. По крайней мере, именно поэтому они шли сюда и несли банки с едой, которых и так у каждого из них было ничтожно мало.

Многие, вероятно, надеялись, что парашют не раскроется и он, пролетев сто семь этажей (как он посчитал), превратится в жирную мертвую кляксу на асфальте. Но он думал их разочаровать. Он собирался лететь, и на этот раз не с крыши пятиэтажного дома и гораздо дальше. Лететь как птица над верхушками зданий, пока плавно не приземлится среди приветствующей толпы.

Фоллер присел на корточки рядом с Маргариткой и посмотрел ей в глаза.

– Почему бы тебе не подождать здесь, с Маслом?

Он указал ей на Масло, сидящего вместе с Быстрым на расстеленном на тротуаре одеяле. Маргаритка обхватила его руками, он обнял ее в ответ, сдерживая слезы. Он заранее ненавидел себя за то, что если все пойдет не так, Маргаритка будет здесь и увидит это.

Прижавшись к нему напоследок, девочка сказала:

– Пожалуйста, не ошибись, – и, тем самым немного придав ему уверенности в себе, присоединилась к Маслу и Быстрому.

Фоллер и Орхидея продолжили идти к башне. Грызун, глава племени Стали, ждал у лестницы снаружи. Он был удивительно красивым мужчиной, высоким и мускулистым, как один из красавчиков на рекламных щитах, только более грязным и одетым в испачканную ярко-оранжевую футболку вместо костюма.

– Говорят, у нас есть около трехсот банок, – усмехнулся Грызун.

– Так много? Потрясающе. Стоит рисковать жизнью. Несомненно.

Грызун кивнул.

– Хорошо. Не забывай об этом, когда будешь подниматься. Мы не хотим возмещать расходы.

– Я не спущусь обратно вниз по лестнице. Я тебе это гарантирую, – дрожащим голосом произнес Фоллер.

Когда они с Орхидеей подошли к башне, Фоллер поднял глаза. Она была невероятно высокой. Он боялся думать, как будет ощущать себя там, глядя вниз. Он толкнул скрипящую дверь и вошел в темный вестибюль. Пробравшись через осколки разбитых окон, Фоллер и Орхидея остановились у лестницы.

– Нет никакого смысла подниматься вместе со мной, – сказал он, махнув в сторону двери. – Иди на улицу и жди шоу. Увидимся через пару часов.

Орхидея выглядела ужасно подавленной. Сердце Фоллера сжалось.

– Могу ли я подобрать слова, которые изменят твое решение?

Даже если бы он этого хотел, теперь не было возможности вернуть все назад. Если он отступит, вероятнее всего, Стальные заташат его наверх и сбросят.

Но даже если бы не они, он все равно бы прыгнул. Его группа нуждалась в еде. Маргаритке нужно хорошо питаться.

– Нет, – ответил он.

Глаза Орхидеи наполнились слезами.

– Если ты действительно собираешься это сделать, я хочу быть там с тобой, – сказала она, протягивая руку. – Я понесу твое снаряжение. Для прыжка тебе понадобится вся твоя сила.

– Нет, нет, все в порядке, – возразил Фоллер. – Я справлюсь.

Орхидея потянула за его ранец.

– Давай мне. Здесь сто этажей. Ты так выдохнешься, что не сможешь прыгнуть.

Фоллер отпустил ранец. Вероятно, она права, да и в любом случае спорить с Орхидеей бесполезно.

Они взошли на первый пролет. Сердце Фоллера колотилось, пальцы дрожали от ожидания. Глубоко вдыхая, Орхидея считала шаги.

8

На пятидесятом этаже он полностью выбился из сил и готов был сдаться. Дойдя до половины, они остановились отдохнуть. Виски и сердце Фоллера пульсировали, икры дрожали.

Вытащив из рюкзака флягу, Орхидея немного отпила и предложила Фоллеру. Он взял ее и сделал большой глоток.

– Пообещай мне, что позаботишься о Маргаритке, если со мной что-нибудь случится.

– М-мм, – протянула Орхидея, не глядя на него.

Он положил ей руку на плечо.

– Мне нужно знать, что ты позаботишься о Маргаритке.

Орхидея встала, рюкзак Фоллера все еще был на ее плечах.

– Ты знаешь, что я сделаю все, что в моих силах. Но она рассчитывает на тебя.
– Я знаю, – он отхлебнул еще глоток. Горло оставалось сухим, независимо от того, как много он пил. – Вот почему я должен это сделать.

* * *

К восьмидесятому этажу его конечности словно онемели, он шатался, как пьяный. Фоллер остановился, чтобы подождать Орхидею, которая шла на половину пролета ниже, считая шаги вслух.

– Ты должна вернуться вниз. Я боюсь, что ты упадешь и поранишься, а поблизости нет никого, кто мог бы помочь тебе.

Орхидея издала сухой смешок.

– Ты боишься, что я поранюсь?

– Да. – Он обнял Орхидею одной рукой. – Я буду ждать тебя на улице. Если все пойдет хорошо, я доберусь туда раньше тебя.

Она покачала головой.

– Я не хочу быть на лестнице, когда ты будешь прыгать. – она указала на следующий пролет, прошептав самой себе: – Пошли.

Вздохнув, Фоллер продолжил подниматься.

* * *

Добравшись до вершины, он, тяжело дыша, рухнул навзничь. Его тошнило. Ноги дрожали, в глазах мелькали серые пятна. Орхидея упала возле него.

Когда тошнота отступила, Фоллер поднялся на ноги, сплюнул несколько раз на бетон, чтобы очистить рот, и пошел к краю крыши. Большую часть вершины окружала стена из прозрачного пластика, но две секции были выломаны, и на их месте осталась голая ограда высотой по пояс.

Он передумал прыгать, как только посмотрел вниз.

Улица была далеко-далеко внизу. Всего лишь в трех кварталах находился край света.

Вид на бесконечное голубое небо с этой точки был потрясающий.

Фоллер прошел по всему периметру крыши, восхищаясь пейзажем. Орхидея, положившая руки себе на бедра, двигалась в нескольких шагах от него. Мир с этой высоты казался еще меньше и напоминал по форме сигару. Он созерцал всю высоту обрыва, мог видеть практически все здания, казавшиеся отсюда крошечными и приплюснутыми. Даже выжженное поле щебня в дальнем конце мира выглядело по-своему красивым. Не часто оказываешься так высоко, чтобы по-настоящему оценить, насколько маленький этот зависший в бескрайнем голубом небе мир. И чувствуешь себя микроскопическим, незначительным пятнышком на карте.

Закончив наслаждаться видом, Фоллер снова посмотрел вниз.

О чем он думал? Он не сможет отсюда прыгнуть.

Нужно было постепенно двигаться к намеченной цели: прыгнуть с крыши шестиэтажного здания, затем десяти, затем пятидесяти. Но Фоллер не видел и сейчас в этом смысла. Если он прыгнул бы с высоты большей, чем восемь этажей, и если бы парашют не раскрылся, его бы не спасли все матрасы в мире.

Теоретически прыжок с такой высоты был ненамного сложнее, чем с пятиэтажного здания. Но теперь Фоллер понял, что технический аспект является лишь частью прыжка: не следует забывать о психологическом.

– Теперь можем идти домой? – спросила Орхидея.

Фоллер вытащил из рюкзака игрушечного парашютиста и поставил на уступ.

– Ты маленький ублюдок. Во что ты меня втянул? – Теперь он винил во всем найденного «прыгуна».

Тесемка, тянущаяся от локтя до пояса парашютиста, надулась от резкого порыва ветра, а потом опала. Если он не прыгнет, ему придется посмотреть Маргаритке в глаза и сказать, что она умрет от голода, потому что он струсил.

Фоллер повернулся и взглянул на Орхидею.

– Я должен это сделать.

– Понимаю. Я люблю тебя. Всегда любила. – Ее слова заглушал ветер.

– Ты ведешь себя так, как будто меня уже нет. Будто Фоллер – желе на тротуаре. Почти без веры.

Он взмахнул руками, пытаясь разрядить обстановку, или, может быть, для того, чтобы придать себе мужества.

Орхидея не засмеялась. Она подошла ближе и горячо его обняла.

– До скорой встречи, – сказал он.

Он видел внизу людей – пятнышки, заполонившие улицу и тротуары в ожидании.

Он сел на низкий выступ крыши и перебросил ноги за стену. Ему потребовалась вся сила воли, чтобы не броситься обратно на безопасную часть верхушки башни.

Ветер был сильным, с резкими порывами. Вдруг такой порыв отбросит его в стену здания, прежде чем он потянет за лямки парашюта? Ему придется раскрывать его очень быстро, а затем использовать подтяжки на комбинезоне, чтобы отклониться от ограды.

Возникший образ его немного успокоил. Он сможет планировать по ветру с помощью защитного купола парашюта над головой. Глубоко вздохнув, Фоллер взглянул на проплывающие облака, невероятно огромные и яркие. Стараясь смотреть по сторонам, а не вниз, он засунул парашютиста в карман, поджал ноги и теперь сидел на корточках.

Сделав несколько глубоких вдохов и вытянув руки для равновесия, он встал.

Ветер отталкивал его назад; он подался чуть вперед, чтобы выровняться.

Фоллер застыл, но вдруг покачнулся и едва не упал. Сердце неистово трепетало. Он ухмыльнулся от своего страха. Весь смысл был в падении.

– Прыгай, – сказал он вслух. – Давай, черт возьми. Просто прыгни.

Поежившись, Фоллер сделал усилие и взглянул вниз на улицу.

Это было безумие. Слишком высоко. Его здравомыслие и рассудок никогда бы не позволили ему прыгать с такой высоты.

Он спустился с выступа. Орхидея, сидевшая на корточках в десятке метров позади него, встала и подняла брови.

В любом случае, как ни посмотри, он покойник. Если он не выживет после этого прыжка и если его не убьет Грызун, то это сделает голод.

– К черту, – сказал Фоллер, взбираясь обратно. Если он в любом случае умрет, почему бы не сделать это красиво?

Не давая себе время на размышление, он прыгнул.

Все внутри него сжалось. Руки стиснулись в кулаки, челюсти скрежетали. Фоллер падал и с ужасом смотрел на панораму улицы далеко внизу. Его несколько раз перевернуло, но теперь он летел головой вниз, в глазах мелькали размытые блики окон башни. Он падал очень быстро, быстрее, чем он себе представлял. Комбинезон трепетал на ветру и хлестал по шее.

Выворачившись, он вспомнил о парашюте и одним быстрым отработанным движением дернул застежку-липучку рюкзака. Из него вылетел купол ткани, за которым сразу развернулись шесть строп. Зажмурившись, он с такой силой вцепился в подвесную систему, что мог сломать себе шею.

Фоллер почувствовал рывок, на секунду его замедливший, но он продолжал падать. Над головой яростно трепетал парашют. Он открыл один глаз, посмотрел вверх и закричал.

В правильном положении было всего четыре стропы. Остальные две бесполезно переплелись между собой. Поврежденный парашют абсолютно не замедлял его падение.

Он лихорадочно начал тянуть к себе все детали, пытаясь снова соединить их, прежде чем он ударится о землю, хотя крошечная оставшаяся искра разума подсказывала ему, что это безнадежно. Все кончено, он умрет. Врежется в асфальт, и в глазах потемнеет. Они проведут похороны и сбросят его с обрыва, а его тело будет падать вечно.

Уцепившись окоченевшими пальцами в стропы, он вдруг ощутил, как сквозь страх пробивается огонек надежды. Он не упадет с обрыва. Он видел птиц, скользящих по ветру с распростертыми крыльями. Получится ли у него сделать так же? Отпустив стропы, он прикинул расстояние до обрыва и раскинул руки и ноги в форме буквы Х.

Это сработало. Фоллер отдалился от башни. Но в чем смысл? Если он это сделает, все равно умрет. Может быть, лучше всего быстрее покончить с этим.

Все так же растопыривая руки и ноги, он переместил тело так, чтобы оно горизонтально скользило по ветру. Сила стихии чуть не перевернула Фоллера: его швыряло влево и вправо, он изо всех сил пытался оставаться в ровном положении. Ткань комбинезона яростно трепетала, а город внизу приближался с каждой секундой. Оглушительный ураганный ветер бросал его во все стороны.

Это было безумие. Умирать было бы легче, чем мчаться в пустоту. Он потеряет рассудок задолго до того, как умрет от жажды. Но он не мог заставить себя сдаться, просто свернуться в клубок и рухнуть на асфальт.

Плечи Фоллера горели от напряжения, когда он тянулся к краю света, широко расставив руки и сжимая пальцы, как будто мог нащупать ими путь туда.

На улицах внизу из толпы вырвалось несколько крошечных фигур, которые направились к обрыву, следуя его траектории. Слишком поздно он понял – между ним и обрывом другой небоскреб. Фоллер изогнулся, как змея, пытаясь увернуться от его стеклянной стены и поменять траекторию. Ему удалось: он проскользнул мимо угла небоскреба, находившегося в десятке метров от него, но его сразу же отбросило к полосе черных крыш многоквартирных домов, нависающих над обрывом.

На короткий миг он увидел людей, бегущих на открытое пространство. Они задирали головы вверх и смотрели, как он падает.

Он напрягся, пытаясь хоть на пару сантиметров передвинуть ремни в вертикальное положение, и в этот миг крыша приблизилась. Он мог видеть детали – установленные спутниковые тарелки, деревянная водонапорная башня. В последний момент он прижал руки к лицу и вскрикнул в ужасе. Все тело вздрогнуло, он был в паре метров от этой паршивой крыши.

Ногу, врезавшуюся в край крыши, пронзила яркая вспышка боли. Его закрутило, перед глазами пронесся красный кирпич, голубое небо, черная скала, руки болтались, словно чужие... и вдруг все кончилось.

Однако он продолжал падать.

Перед глазами скользил мир, сердце вылетало из груди, а рот широко открывался в беззвучном, срывающемся крике...

I

Питер вздохнул и провел рукой по волосам, изучая срезы тканей живого организма и закономерности их эволюции. Его волосы были чертовски грязными и жирными – он не принимал душ уже три дня. Однако полученные данные были чистыми и красивыми. Пораженное туберкулезом человеческое легкое проходило через дубликатор без изменений. Сам дубликат

легкого был генетически идентичен оригиналу, вплоть до эпигенетической мутации, отсутствовала в нем лишь сама болезнь.

– Прекрасно, – сказал он.

– Так и есть, верно? – усмехнулся Гарри Вонг.

Где-то неподалеку играло настроенное на старую волну радио, звучала песня «С распротертыми объятиями» группы Journey. Кажется, это был малоподходящий вариант фоновой музыки для такого масштабного научного прорыва.

Пока его коллеги метались по лаборатории в разные стороны, Питер изучил всю копию отчета. На последней странице были подведены общие результаты эксперимента.

– Все хорошо, док. Вплоть до мелкого шрифта, – сказал Гарри.

Питер поднял глаза.

– Ты только что назвал меня доком?

Гарри саркастически усмехнулся.

– Ну да.

– Нет. Даже не думай об этом, – произнес Питер, тыча в него шариковой ручкой. – В магистратуре ты, как и почти все, называл меня Сэнди.

Опустив ручку, он закрыл отчет.

– Еще несколько недель, и мы сможем предоставить работоспособные органы для пересадки. Ты веришь в это?

– Это чертовски невероятно, – сказал Гарри.

Питер протянул Гарри руку ладонью кверху. Гарри бросил на него непонимающий взгляд.

– Потанцуешь со мной? – Питер взял Гарри за руки и закружил в танце между столами.

– Ты опять выпил много энергетика? – спросил Гарри, несколько неохотно двигая бедрами в такт музыке.

– Да. Наверное. – Питер действительно чувствовал себя полным сил и энергии.

– Не смей меня кружить, – сказал Гарри, когда люди стали замечать и в лаборатории поднялся смех.

Главный вопрос оставался без ответа: когда же команда Уго будет готова к процедуре полной пересадки органа? Если они не смогут научиться извлекать зараженные органы, а затем быстро и экономично пересаживать чистые дубликаты, этот научный прорыв принесет пользу лишь немногим инфицированным.

– Ты видел сегодня обновленные показатели уровня заболеваемости? – спросил Питер.

Гарри перестал танцевать.

– Ты не захочешь их видеть. На Украине и в Румынии из-под контроля выходит прион¹ Петерсона-Янтца. Туберкулез распространяется уже в Непале и Бангладеш.

– Твою мать. – Питер с ужасом представил картину, его хорошее настроение улетучилось мгновенно. – Лживые аравийские задницы.

А Саудовская Аравия даже не была одной из воюющих сторон. Они непрерывно лгали о масштабах своих запасов нефти и, наконец, оставили Индию ни с чем. Если бы не они, то Индия не вложила бы триллионы рупий в Мозамбик для того, чтобы успешно украсть долю России в добыче природного газа в этой стране.

Каждый боялся, что Россия применит военную мощь и агрессию. Но вместо этого *другой сюрприз* – они выпустили вирус смертельной болезни в Индии. Безумие достигло новых пределов.

– Гарри? Можно тебя на минутку? – позвала его коллега Джилл Сандерс, сидевшая от него через три стола.

¹ Особый класс инфекционных агентов, представленных белками с аномальной третичной структурой и не содержащих нуклеиновых кислот. (Прим. пер.)

Гарри похлопал Питера по спине.

– Хорошая работа, док. Хочешь сегодня отпраздновать?

– Звучит неплохо. Я посмотрю, свободна ли Мелисса. А если ты снова назовешь меня доком, я сокращу твою зарплату вдвое.

Питер уже уходил, Гарри продолжил чуть громче:

– Мы уже не собираемся мужской компанией. Ты всегда приходишь со своей женой.

– О чем ты говоришь? Она нравится тебе больше, чем я.

– Ты правильно меня понял! – крикнул Гарри.

Пробираясь между столами с оборудованием, Питер вернулся к своему рабочему месту, отделенному от соседних тремя полупрозрачными настольными перегородками. Четвертым ограждением служило окно, через которое открывался вид на лужайку шириной метров шестьдесят, разделявшую их лабораторию и полуразрушенное здание фабрики. Мерцающий свет придавал старому и ветхому зданию зловещий вид. У организации была идея оборудовать все старые фабричные здания под лаборатории в рамках проекта по взаимному обогащению, но завершенными на сегодня были только четыре строения.

Присев на корточки, Питер открыл свой мини-холодильник и достал еще одну бутылку энергетика. Все полки были заставлены им. Он хотел было захлопнуть дверь, но вдруг заметил нечто странное.

В конце дальнего правого ряда между круглыми алюминиевыми банками энергетика втиснулись три квадратные пластиковые бутылки. Питер вытащил одну и осмотрел. Это была жидкость цвета морских водорослей, которая называлась «Зеленая доброта» – «питьевая армия фруктов и овощей, наполненная антиоксидантами, а также витаминами А и С».

Усмехнувшись, Питер поставил бутылку обратно в холодильник. Мелисса снова в своем репертуаре. Она сама пила только диетический спрайт и всегда беспокоилась о питании Питера.

Среди привычного шума лаборатории, между ржавыми стальными балками, оставшимися с артиллерийского завода времен Второй мировой войны (где сейчас находилась их обитель науки), Питер уловил какое-то бульканье. Опять голуби на стропилах. Его они не беспокоили, но Уго впадал в бешенство. Этот парень ненавидел животных и птиц. И всегда отрицал это, особенно когда была рядом его жена Изабелла – любительница всех животных. Можно даже пронаблюдать, как Уго становился все раздражительнее и раздражительнее, если рядом животное. За исключением тех случаев, когда ему подавали его на блюде с рисом.

– Доктор Сэндовал?

Подойдя к двери, Питер улыбнулся лаборанту, стоявшему возле дубликатора перед открытым экраном, на котором мелькали данные.

– Привет, Артур. Что нового?

– Это не сработало, – сказал Артур.

Питер взглянул на две идентичные человеческие печени, выложенные на медицинской тележке рядом с подводными трубками. Он занимался цифрами, был физиком-теоретиком, а исследование печени являлось задачей Уго.

– Не обманули, а? – спросил Питер, просматривая данные.

Неважно, как ловко они пытались замаскировать инородные тела под биологический орган или создать в нем клетки под видом инородных тел – обмануть дубликатор им не удалось. Результаты стали поводом к размышлению о природе дубликатора и о том, что происходило, когда что-то попадало в миниатюрную кротовую нору². Но с точки зрения создания не

² Гипотетическая топологическая особенность пространства-времени, представляющая собой в каждый момент времени «туннель» в пространстве. (Прим. пер.)

отторгающегося здорового трансплантата для людей, страдающих от рака печени, эксперимент оказался неудачным.

Большие двойные двери, ведущие в лабораторию, распахнулись, впуская Уго в его неизменной панамской шляпе и черном пиджаке.

Питер махнул рукой, чтобы привлечь его внимание.

– Что это за эксперимент? – спросил Уго, тяжело дыша. Он наклонился к тележке с органами.

– Часть маскировки. Это не сработало, – сказал Питер, отводя Уго в сторону стола Гарри.

– Но есть более важное. – Питер сделал драматическую паузу. – Мы получили дубликат легкого, полностью вылеченного от туберкулеза.

Уго издал смешок, больше похожий на лай.

– Он чистый?

– Полностью.

Исследовав легкое, Уго посмотрел на поперечный срез под микроскопом и, удовлетворившись увиденным, поднял голову и выдохнул:

– Мы сделали это.

Питер поднял руку, чтобы «дать пять». Уго с нетерпением посмотрел на него и протянул свою для рукопожатия.

Немного остыв, Питер пожал ее.

– Мы с Гарри говорили о праздничном ужине сегодня вечером. Ты и Изабелла свободны?

Уго склонил голову.

– Вроде да. Нужно спросить у Изабеллы. – Он похлопал Питера по плечу. – Прогуляемся?

Не дожидаясь ответа, Уго направился к своему кабинету, чтобы взять фонари. Питер последовал за ним, но уже менее жизнерадостно. Пешие прогулки, несомненно, были главным времяпрепровождением жителей Сербии, но Питер с тем же успехом мог проехаться на машине.

Передав ему фонарик, Уго двинулся вниз по длинному залу, а Питер изо всех сил старался поспевать за его широким шагом. На мгновение Сэндовал задумался, подшучивают ли лаборанты над тем, что он и Уго выглядят скорее как комедийный дуэт, нежели пара ученых. Высокий, тучный Уго и коротенький, худощавый Питер.

Честно говоря, у них было не так много общего и в личной жизни. Приемный отец Уго был отставным генералом. Отец Питера водил школьный автобус и гнал метамфетамин, по крайней мере, до того как взорвал их дом во время варки. Уго собирал редкие вина, играл в гольф, любил хороший шоколад, слушал струнные квартеты и носил панамские шляпы и бордовые галстуки. Питер слушал дэт-метал, носил футболки и очень любил наблюдать за облаками.

Пройдя через стальную дверь в темноту, они включили фонарики. Казалось, будто перед ними тянутся бесконечные извилистые лабиринты старого завода, построенного большей частью под землей для отражения воздушных атак. Хождение по темным коридорам фабрики – их договоренность, которая делала осуществимой эту ежедневную прогулку для Питера. Если гулять, то лучше здесь, чем бродить по пешеходным дорожкам снаружи. Завод никогда не переставал удивлять – то новый подвал, то лестница, о которых раньше не знали. Под ними на нескольких этажах находился главный заводской цех: железные машины, большие, как локомотивы, с огромными колесами серебряные трубы, пронзающие стены и исчезающие под потолком. Это были забытые, по-своему прекрасные старомодные вещи.

– Теперь нам нужно взять под контроль прион Петерсона-Янтца, – сказал Уго, когда они прошмыгнули по знакомому коридору, соединяющему раздевалку и само здание завода. – Думаю, что я близок к разгадке и могу понять, почему прионоподавляющие свойства вируса Вулкоффа также влияют на память.

Питер одобрительно хмыкнул. *Также влияют на память?* Вирус полностью уничтожает биографическую память субъектов и нарушает семантические восприятия или оставляет их практически недееспособными. Да, прионы Петерсона-Янтца привели все их исследование к застою. Прионы – это болезнетворные версии белков, обнаруженные в клетках нервной системы, которые напрямую воздействуют на мозг, делая дубликатор Питера бесполезным изобретением. В отличие от других органов мозг пересадить невозможно.

– Думаю, что я смогу решить проблему уже через полгода, – продолжал Уго.

Коридор выходил прямо в заводской цех: лабиринт конвейерных лент, крюков, масляных пятен, эстакад. У одной из стен выстроились груды коробок с запасными запчастями на случай аварийной поломки.

В этом месте, когда-то переполненном рабочими с мускулистыми руками и набухшими на них венами от тяжелой работы, истекающими потом в ночную смену под оглушительный ритм машин, образовалась теперь воющая пустота. Питеру нравился здешний запах выносливости. За свои достижения он мог легко получить финансирование для собственного блестящего нового объекта, но ученый полюбил это место. Ему нравилось находиться среди лучших, самых ярких умов науки. Внимание привлек приглушенный шепот.

– Что это было? – сказал Питер, направляя фонарик к стене. Из-под одеяла, расстеленного между рядами коробок, выглянули два человека. Они явно сильно нервничали.

– Извините, вы не имеете права здесь... – начал было Питер, подумав, что это бездомные, невесть как попавшие внутрь, но вовремя остановился, поняв, что это Джек Рага, их уборщик, и Виктория Ривера, одна из охранников объекта.

– Боже. Извините. – Питер спрятал лицо в ладони, пытаясь заглушить смех.

Уго подскочил прямо к ним.

– Одевайтесь! – рявкнул он. – Вы уволены, оба.

– Нет, они *не уволены*. – Питер пытался не лопнуть от смеха.

Эти двое, каждому почти по шестьдесят лет, прячутся по углам, чтобы по-быстренькому уединиться. Джек уже десять лет как в разводе, Викки – вдова, так что никому от этого вреда не будет.

– Перестань, Уго, у меня на лице уже побывали все оттенки красного, и я знаю, что не у меня одного.

– Нет, это совершенно неприемлемо, – сказал Уго. – Они уволены.

– Не будь мудаком. Это хорошие люди. Они упорно трудятся для нас.

Уго с яростью повернулся к нему.

– Мудаком? Ты только что назвал меня мудаком?

– Нет. Я не называл тебя мудаком, я попросил тебя не быть им. Это большая разница. – Питер все еще сдерживал смех. Определенно слишком много энергетиков за сегодня и слишком мало сна.

Уго приблизился настолько близко, что Питер почувствовал запах колбасы, которую он ел на завтрак.

– Я старший научный сотрудник Массачусетского технологического института, самый молодой лауреат премии в области биотехнологии. Больше никогда не смей так со мной разговаривать.

Питер поднял руки в знак примирения.

– Прости. Я ведь пошутил. Просто пытался облегчить неловкое положение. – Он повернулся к своим сотрудникам-любовникам. – А теперь мы ненадолго оставим вас наедине.

– Нам очень жаль, доктор Сэндовал, – раздался из-под одеяла голос Викки, похожий на голос девочки-подростка, застигнутой отцом на заднем сиденье машины со своим парнем.

Питеру вновь пришлось напоминать.

– Викки, вы снова забыли мое имя? – взяв себя в руки, спросил Питер. – Мне снова придется представиться.

– Простите, Питер. Больше такого не повторится.

– Нет, нет, я думаю, это должно происходить так часто, как вам, ребята, захочется, но только не в рабочее время. Хорошо?

– Вы нас понимаете, – сказал Джек. – Спасибо, сэр.

Они удалились, и наступила тишина, нарушаемая лишь шарканьем их ботинок о грязный бетон.

Питер вовсе не собирался извиняться за мудака. Учась еще в средней школе и колледже, он и Мелисса сменили миллион дрянных работ. Питер прекрасно помнил то чувство, когда к тебе относятся как к дерьму из-за того, что на тебе белый фартук или чужой бейджик с именем Венди и фотографией рыжеволосой девушки на нем. Он никогда этого не забудет.

Питер снова задумался, как он вообще мог подружиться с Уго. Единственное, что у них было общее, – это плохое детство. Кошмары Уго закончились, когда его забрали на усыновление из детского дома в Боснии, производившего впечатление концлагеря. После окончания войны его усыновила сербская пара, обеспечив ему хорошую жизнь. И нужно было просто с ней смириться. Плохое детство Питера было не таким ужасным, как у Уго, но скверный период длился дольше.

Именно Уго, а не он, предложил дружбу в Стэнфорде, подойдя к нему на семинаре, представившись и предложив пойти выпить. Питер подозревал, что Уго влекло к нему из-за его популярности. Тогда Уго встретил Изабеллу, которая постоянно ходила в гости к Мелиссе. Уго стал его семьей, и у Питера не осталось выбора, дружить с ним или нет.

9

Весь мир висел над ним, затмевая небо. Пока Фоллер падал, земля то появлялась, то исчезала перед глазами. Открывался прекрасный вид: именно такой наблюдали те бедняги, которые спрыгивали с обрыва от горя и голода в первые дни, и те тысячи несчастных, которых сбрасывали с края света. А теперь он открывался и для Фоллера.

Он инстинктивно размахивал руками, пытался найти, схватиться за что-то, что остановило бы его падение. Крики заглушали порывы ветра, который словно стегал его кнутом по лицу. Крошечная мысль, что он ударится о твердую землю, все еще проскальзывала в голове, но глаза убеждали его в обратном.

* * *

В конце концов сквозь ужас и панику начали пробиваться ясные мысли.

Маргаритка, должно быть, безутешно рыдала. Стояла ли она еще на обрыве и смотрела, как он падает и исчезает, как пятнышко? Он ненавидел себя за это. С Первого Дня у девочки было достаточно страданий.

Фоллер в отчаянии закричал и ударил себя ладонями по щекам. Что же случилось с парашютом? Он ведь проверял стропы, прежде чем его сложить и покинуть здание музея.

Теперь у него была вечность, чтобы разобраться в этом. Схватившись за одну из строп парашюта, он смотал ее и осмотрел стальные крючки, к которым должны были крепиться зажимы для концов свободных строп. Затем он смотал свободные и внимательно их изучил.

Они были вырваны из зажимов. Он падал слишком быстро, такую скорость узлы выдержать не смогли. Как он мог быть таким глупым? Прежде чем прыгать, он должен был проверить парашют более тщательно. Он мог привязать к нему что-то тяжелое и сбросить с башни на длинной веревке. Теперь он страстно желал исправить то, что натворил.

Фоллер разжал губы, чтобы выругаться, но тут же закрыл рот. Ветер был безжалостен. Как только он открыл рот, щеки затрепетали, как крылья бабочки, принося не очень приятные ощущения.

Вытянув шею, Фоллер посмотрел вверх. Мир был размером с муравья.

Он видел, как мир сжимается, и не желал отводить взгляд, потому что смотреть больше было не на что. Небо, которое он так любил, теперь его пугало.

И даже в его имени звучала ирония: оно тоже отсылало к смерти. Это как назвать себя Умиравший от голода или Истекающий кровью.

Расстегнув замок рюкзака, он нащупал там свои скудные пожитки. Они уже не спасут его, но это единственная связь с живым миром. Ему хотелось ощущать что-нибудь твердое, весомое, что угодно, только не пустоту.

После подъема на башню во фляге оставалось еще немного воды. Даже если бы она была наполнена до краев, это его все равно не спасло бы. Из вещей у него были два куска сушеного собачьего мяса, игрушечный парашютист, по чьей вине он оказался здесь, карта и фотография в заднем кармане.

Убедившись, что держится крепко, он достал из кармана снимок и, чтобы не выронить, взял его двумя руками за уголки. Еще раз посмотрел на женщину с фотокарточки. Ее голова лежала на его плече. Она была невероятно прозрачной, бледная кожа будто светилась. Черные волосы до плеч, осыпанные веснушками острые скулы. Твердая, чуть квадратная челюсть, которая выглядела бы слишком мужественной, если бы не оттенялась выразительными зелеными глазами. Глядя на ее лицо, ее светлую улыбку, он не мог разобраться в водовороте эмоций, которые испытывал.

Сколько дней он провел до этого, блуждая по улицам в поисках этой женщины? Достаточно, чтобы узнать, что их мир теперь был девятнадцать тысяч шагов в длину и десять тысяч в ширину.

Земля была пятнышком, веснушкой в небе. Фоллер летел сквозь облако и некоторое время ничего не видел. Вскоре оно рассеялось, и ему открылся вид на его мир. Фоллер не мог отвести глаз, даже когда облака вновь все закрывали.

Его мир был похож на маленькую точку, которую невозможно было разглядеть даже сбоку. И вдруг мир исчез. Как он ни вглядывался, как ни напрягал свое зрение, он не мог его больше рассмотреть. Голубое ничто и облака, плывущие повсюду, а в центре всего этого – Фоллер. Он посмотрел на фотографию и решил прогнать прочь гнетущие мысли, разрывающее душу отчаяние.

II

– Я думал, мы едем в отель Le Yasa, – раздался голос Уго с заднего сиденья фургона.

– Планы поменялись, – сказала Мелисса.

– Поменялись? – театрально вздохнул Уго. – Мне нравится Le Yasa. Я уже предвкушал говяжью вырезку.

– У нас будет ужин без убийства, милый, – сказала Изабелла, поглаживая Уго по плечу. – Этим вечером ни одному животному не будет причинен вред. Тебе это понравится.

– Замечательно, – подперев кулаком подбородок, простонал Уго.

Питер протянул руку и легонько сжал колено Мелиссы.

– Ты что-то задумала.

Она вытянула уголок рта и цокнула – классический жест Мелиссы.

– Может быть.

– Подождите-ка, есть какие-то секретные планы, а я не в курсе? – спросила сидевшая сзади Кэтлин.

– Все было решено в последнюю минуту, – сказала Изабелла.

– Мне все равно. Отныне, если сюрприз готовится не для меня одной, я хочу быть в курсе.

Питер оглянулся на Кэтлин. Ее слова звучали вполне серьезно, как будто ей и правда было обидно, что ее не посвятили в планы Мелиссы и Изабеллы. Вытянув руку, она дважды постучала по крыше фургона, как будто проводила некий понятный лишь ей ритуал, который совершают при ОКР³.

– Так куда мы едем?

– Кэтлин, это *сюрприз*, – сказала Изабелла. Она выглядела усталой.

– Когда вы вернулись из Мумбаи? – спросил Питер.

– Вчера. Я никогда не смогу привыкнуть к спонтанным командировкам на этой работе.

– Сомневаюсь, что кто-нибудь сможет, – сказал Гарри с заднего сиденья. – Я не думаю, что это возможно физически. Если, конечно, Уго не разработает вирус, который изменит наши внутренние часы.

– В данный момент это не входит в мои приоритеты, – произнес Уго.

Мелисса свернула на Колониальный бульвар, направляясь к Джеймстауну.

* * *

Мелисса и Изабелла шли по пристани впереди всех остальных. В лунном свете были ясно видны поразительные отличия двух сестер: худая, с повернутыми чуть внутрь коленями, бледная и веснушчатая, как ее отец-шотландец, Мелисса и маленькая, страдающая плоскостопием и загорелая, как и ее мать из Средиземноморья, Изабелла.

Сейчас, глядя на них, было тяжело различить что-то общее, что осталось от тех девочек, которые когда-то жили в трейлере в полукилометре от Питера в Гаскилле, штат Нью-Йорк. Питер и Мелисса ходили на один и тот же курс по химии. И оба были как белые вороны в классе. В год выпуска оба пытались избавиться от местных диалектов в своей речи. Они перестали говорить «ейнт»⁴ и старались произносить «милк»⁵ вместо «мелк»⁶. «Ай ейнт гоин ноувеа»⁷ превратилось в «Айм нот гоин энивеа»⁸. Поначалу они смеялись, так как это звучало странно и искусственно, словно речь ведущего новостей на канале CNN⁹. Спустя некоторое время они привыкли, и странной стала та манера произношения, которую они использовали раньше. Мелисса и Питер даже начали подшучивать друг над другом, когда кто-то произносил прежнюю фразу или слово. Они поженились и переехали в Нью-Йорк в тот день, когда окончили среднюю школу. С детства Мелисса хотела стать актрисой и была шокирована, когда странные скульптуры, которые она создавала на заднем дворе еще в средней школе, оказались настоящим искусством.

Слева от них плавно покачивались на волнах три корабля. Постоянно прогуливаясь в этих местах, Питер знал об этих судах: это точные копии «Сюзан Констант», «Годспит» и «Дискавери». Настоящие корабли, переполненные будущими поселенцами Джеймстауна,

³ Обсессивно-компульсивное расстройство личности. Характеризуется чрезмерной склонностью к сомнениям, поглощенностью деталями, излишним перфекционизмом, упрямством, а также периодически возникающими навязчивостями. (Прим. пер.)

⁴ ain't (англ. разг.) – отрицательная форма глагола to be.

⁵ milk (англ.) – молоко.

⁶ melk (англ. разг.) – молоко.

⁷ I ain't goin' nowhere (англ. разг.) – Я никуда не пойду.

⁸ I'm not going anywhere (англ.) – Я никуда не пойду.

⁹ CNN – телеканал, созданный Тедом Тернером 1 июня 1980 года. Является подразделением компании Turner Broadcasting System, которой владеет Time Warner. Компания CNN первой в мире предложила концепцию 24-часового вещания новостей. (Прим. ред.)

пересекали Атлантический океан в начале XVII века. На каждом вдоль палубы была закреплена паутина снастей. Вдруг третий в ряду – «Дискавери» – развернул белые паруса. Мелисса и Изабелла остановились у его трапа.

На палубе появился рыжебородый мужчина, одетый в военную форму XVII века и длинный ярко-красный плащ.

– Добро пожаловать на борт! – воскликнул он, шагая вниз, чтобы отсоединить цепь, тянущуюся вдоль трапа.

Когда они один за другим поднялись на борт, из каюты появилось шесть членов экипажа, одетых в рубашки, развевающиеся на ветру. Они заняли свои места на палубе, а Питера и его спутников повели вниз по лестнице в трюм. Когда-то это пространство размером с гостиную на время четырехмесячного плавания делили пятьдесят или шестьдесят человек. Теперь здесь стоял один стол с антикварной фарфоровой посудой. Красные деревянные стены и светлый, обшитый досками пол мягко мерцали при свете свечей.

Официантки в смокингах держали в руках бутылки вина и шотландского виски. Перед тем как сесть за стол, Питер поздоровался с каждой из них.

– Разве это не лучше, чем Le Yasa? – спросила Изабелла у Уго.

Уго помахал рукой, но ухмылка его выдавала.

– Хорошо, может быть, и так.

– Это невероятно. Спасибо тебе, – сказал Питер, поглаживая колено Мелиссы.

На палубе раздавались громкие приказы к отбытию судна по реке Джеймс.

– Виски? – спросила одна из официанток, показывая Питеру бутылку.

– Не откажусь, – ответил он, протягивая свой бокал. – Спасибо, Джейми.

Питер смотрел на сидящих за столом, радуясь, что находится в кругу друзей, которые уже о чем-то оживленно беседовали.

Несмотря на замечательную старинную обстановку, это напомнило Питеру о Стэнфорде и магистратуре. Сколько ночей они вот так вшестером провели вместе, выпивая, закусывая и болтая ни о чем? Теперь это была редкость: Изабелла очень часто уезжала из страны, а Мелисса сверхурочно занималась своими скульптурами.

Кто бы мог подумать, что они будут здесь всего четыре года спустя? Дипломат Изабелла, Кэтлин, пиар-менеджер президента страны, молодой преуспевающий биотехник Уго и Питер, переворачивающий теоретическую физику вверх ногами.

Он наблюдал, как Гарри смешно вскидывает голову и смеется над словами Мелиссы. Только Гарри не реализовал свой профессиональный потенциал. Однако он, кажется, счастлив. Что сделала сестра Курта Воннегута¹⁰, когда Курт сказал ей, что она была лучшим писателем, чем он? Ничего не сделала. Нет такого вселенского правила, в котором прописано, что вы обязаны реализовать свой потенциал. Хотя случай с Гарри иной: он не закончил обучение из-за нервного срыва, а не из-за своего осознанного решения уйти из колледжа.

Гарри увидел, что Питер на него смотрит.

– Это неподходящее место. Я не могу греться в лучах собственной славы, когда поблизости нет никого, кто будет впечатлен мной и вами.

– Что это было? – повернувшись к нему, спросила Мелисса.

– Гарри сказал, что здесь он не может греться в лучах собственной славы, потому что здесь нет никого, кто бы нас узнал.

– Греться в лучах собственной славы? – рассмеялась Мелисса. – Что это, черт возьми, значит?

¹⁰ Американский писатель-сатирик. Считается одним из наиболее значительных американских писателей XX века. Автор таких произведений, как «Сирены Титана» (1959), «Мать Тьма» (1961), «Колыбель для кошки» (1963), сочетающих в себе элементы сатиры, черного юмора и научной фантастики. (Прим. пер.)

– Повышать собственную самооценку за счет знакомства с известным и популярным человеком, – пояснил Питер. – Например, если ты двадцать лет назад ходила в школу с Бейонсе – это первое, что ты должна рассказывать людям при встрече.

– Семьдесят процентов моей высокой самооценки – это работа с Питером, – сказал Гарри. Он протянул руку Мелиссе и продолжил:

– Привет, меня зовут Гарри Вонг. Я старший ассистент в лаборатории Питера Сэндовала. Слышали об этом всемирно известном физике? Мы друзья. – Гарри отпустил ее руку. – Вот так я представляюсь.

– Готова поспорить, что это не особенно помогает тебе в личной жизни, – сказала Мелисса. – Особенно слова «ассистент» и «физика».

– Это вообще мало в чем помогает, но это все, что у меня есть.

Джейми, их официантка, принесла Питеру салат. Он поблагодарил ее и взял вилку.

Мелисса взяла обычную вилку вместо салатной и принялась за еду. Улыбаясь, Питер последовал ее примеру. Когда это он стал таким культурным? Там, где они выросли, было за счастье, если вилка оказывалась чистой, а зубцы были ровными, а не расплавленными от варки метамфетамина.

В памяти неожиданно всплыли образы: мигающие огни, на носилках его отец, кричащий из-за боли от химических ожогов на лице и руках и выглядевший так, будто сейчас расплавится. На заднем плане их горящий дом...

В этот момент Питер услышал на другом конце стола разглагольствования Уго, держащего в руке бокал с выпивкой.

– Фрейд сказал, что именно секс сильнее всего управляет людьми, но он был не прав. Это делает власть.

Питер закатил глаза. *Началось – мир по версии Уго.*

Скрестив руки на груди, Изабелла зацокала.

– Ох, Уго, ты ведь в это не веришь, – сказала она, посмотрев на Кэтлин. – Он любит говорить невероятные вещи, просто чтобы немного шокировать людей.

– Да, это так, – улыбаясь, произнес Уго. – Но в этом случае и невероятная вещь может оказаться правдой.

Он глотнул виски:

– Многие люди даже самим себе не хотят признаваться, что жаждут власти, потому что им стыдно. Поэтому они маскируют эту жажду под чувство уважения и восхищения, стремление к успеху, иногда даже к любви. Но если окунуться в психологию, получится одно и то же: стремление к власти.

– Любовь – это не стремление к власти, – сказала Изабелла.

Потянувшись, Уго взял ее за руку.

– *Не всякая любовь.* Иногда любовь – это просто любовь, такая же, про которую говорил Фрейд. Как сигара – это иногда просто сигара.

Питер наклонился вперед, начав было что-то говорить, но Уго продолжил, не давая ему возможность прервать свой великий монолог:

– Однако в одном Фрейд был прав: он сказал, что люди с рождения порочны. Страх быть отвергнутым или наказанным цивилизованным обществом – это то, что держит нас в узде.

Мелисса скривила лицо.

– Я в это не верю. Большинство людей не убивали бы и не крали, даже если бы знали, что им удастся остаться безнаказанными.

– Вот почему во время массового отключения электричества в квартале все грабят магазины, – сказал Уго.

– *Не все.* Большинство людей заботятся о своих семьях и заходят к соседям, чтобы убедиться, что они в безопасности.

Хмыкнув, Уго покачал головой.

– Возможно, но такое происходит только в фильмах.

– Ладно, хватит нигилизма для одной ночи, – сказала Кэтлин.

– Да, – поднимая бокал с вином, поддержала ее Изабелла. – Питер.

Она повернулась и посмотрела на мужа:

– Уго. Даже в трезвом состоянии я не могу осознать многое из того, что вы делаете, но я понимаю, что вы прыгнули выше головы и мир никогда не будет прежним.

Она повернулась к Питеру:

– В ближайшее время вы спасете миллионы жизней, и я горжусь вами обоими.

Все подняли бокалы.

Мелисса похлопала Питера по руке.

– Ты слышал идею Кэтлин?

– Не знаю, о чем ты. Я слышал много замечательных идей от Кэтлин, – ответил он, наливая себе еще порцию виски.

– Вы никогда не думали использовать свой дубликатор для прекращения голода? – спросила Кэтлин. – Вместо того чтобы перевозить на самолетах зерно, мы поместим в дубликатор курицу.

– Эпидемии, связанные с биотерроризмом, имеют первостепенное значение, – сказал Уго. – Мы не можем бросить эту цель.

– Кроме того, не стоит думать, что дубликатор станет панацеей от голода в мире, – добавила Изабелла с другого конца стола. – Большую часть дубликаторов, если, конечно, каждый из них не будут охранять, захватят диктаторы и военачальники этих голодающих стран.

Кэтлин поочередно сгибала и разгибала большой и указательный пальцы, возможно, подсчитывая количество четных или нечетных слов, произнесенных Изабеллой. Питер отвел взгляд от ее руки, надеясь, что девушка не заметила, что он наблюдал за ней в это время.

– Из того, что сказал Питер, – продолжала Изабелла, – ясно, что производство дубликатора является чрезмерно дорогим. Если бы местные власти подписали согласие, за эти деньги можно было бы создать сельскохозяйственные программы.

Замолчав, она сделала глоток воды и покачала головой:

– В настоящий момент причины голода в основном политические. Дело не в дефиците продуктов питания.

Подняв свой бокал, Кэтлин дважды постучала им по столу и сделала большой глоток. Она выглядела обиженной из-за того, что ее идею раскритиковали подобным образом.

– А как же голод в тех странах, куда летают самолеты с продуктами? Это ведь невероятно дорого.

Изабелла пожала плечами.

– Это действительно в целях помощи голодающим, но не для полного избавления от голода.

– Прекрасно, – сказала Кэтлин, затем повернулась к Питеру, подперев рукой подбородок. – Помощь голодающим, значит.

Питер отхлебнул еще «Гленфиддика»¹¹, наслаждаясь дубовым привкусом.

– Я только за. Рассмотрим варианты привлечения капитала. Думаю...

Его прервал звонок телефона. Он взглянул на экран: международный номер.

– Извините, – сказал он, поднимаясь по лестнице на палубу. – Алло?

– Доктор Сэндовал? – спросил человек с акцентом, вероятно европеец.

– Да? – Питер подошел к борту палубы и посмотрел на темную воду, переливающуюся бликами огней лодок, плывущих в разные стороны.

¹¹ Бренд шотландского виски, производящегося в долине реки Фидик, что неподалеку от шотландского города Дафтаун. (Прим. пер.)

– Это Гуннар Оквист, секретарь Шведской королевской академии наук. Прошу прощения за столь поздний звонок.

– Ничего страшного... – попытался было ответить Питер, но издал лишь какой-то бес-толковый звук. Есть ли другая причина, по которой звонят из Шведской королевской академии? Но он слишком молод...

– Я звоню, чтобы сообщить вам, что Шведская королевская академия наук решила присудить вам Нобелевскую премию по физике за ваши достижения в квантовом клонировании. Я хотел бы поздравить вас от себя лично и от имени академии.

Питер схватился за перила. Нобелевская премия. Черт побери, он получил Нобелевскую премию!

На другом конце линии раздался смех Гуннара Оквиста.

– Доктор Сэндовал? Вы еще здесь?

– Вы серьезно? Я получил Нобелевскую премию? – Перед глазами мелькали темные пятна. Он понял, что близок к тому, чтобы потерять сознание.

– Да, именно Нобелевскую. Объявление будет сделано утром. Если есть другие получатели, я обычно сообщаю о том, кто они такие, но в этом году вы единственный лауреат в области физики.

– Это прекрасно. Меня переполняют эмоции. Я должен сообщить своей жене и друзьям.

– Конечно. Было приятно сообщить вам эту новость, доктор Сэндовал. С нетерпением жду встречи на церемонии.

– Спасибо, – закончил разговор Питер. Все еще чувствуя головокружение, он навалился локтями на перила и посмотрел на реку. В тишине раздавалось лишь хлюпанье волн о корабль.

Он получил Нобелевскую премию. Он – нищий, как церковная крыса, мальчик, чей отец взорвал свой дом, изготавливая метамфетамин. Этот мальчик только что получил Нобелевскую премию.

Питер не мог дожидаться момента, когда расскажет Мелиссе и друзьям. Хотя, возможно, сейчас было не самое подходящее время. Это была ночь Уго так же, как и его самого, но у Питера не было сомнения в том, что новость и его ошеломит. Уго со смехом отрицал их конкуренцию между собой, но за этим смехом (Питер был в этом уверен) он равнялся на Питера.

– Кто звонил? – спросила подошедшая Мелисса и положила руку ему на плечо. – Все в порядке? Ты весь дрожишь.

Питер не смог сдержать улыбку.

– Я расскажу тебе после ужина. Это хорошая новость.

– Да? – подняла брови Мелисса.

Питер обнял ее и повел обратно в трюм.

10

Наступила ночь. Фоллер был рад оказаться среди звезд и луны, но ветер ночью усиливался и становился ледяным. Он перестал кувыркаться в небе и, вытянув ноги, большую часть дня просто падал, чувствуя, что в таком положении удары ветра стали чуть слабее. Извернулся – и теперь он падал спиной вниз. Сжав воротник комбинезона, Фоллер попытался защитить шею от холодного воздуха. Ветер хлестал тело словно кнутом. Мышцы болели от беспрестанных порывов, кожа шелушилась и обветривалась, в ушах звенело.

Он вел совершенно бессмысленное существование. Несколько сотен дней были потрачены на то, чтобы узнать свое предназначение, чтобы понять, как он попал в этот мир и жизнь, которую не мог вспомнить. И сейчас Фоллер не мог понять и объяснить, что происходит. Помимо оставленных Маргаритки и Орхидеи, смерть в невежестве и незнании – самое наибольшее сожаление.

* * *

Он, должно быть, заснул, потому что перед глазами возник один из его кошмаров. Раньше его сны были случайными и прерывистыми: какие-то события из повседневной жизни, – но теперь они становились гнетущими и невероятно странными, не имеющими ничего общего с его прежней жизнью. Сны повторялись и каждый раз обнажали все новые и более ужасные детали.

И сейчас в одном таком новом (и, возможно, последнем) кошмаре шел дождь, только капли его были красными. Фоллер стоял на улице, заполненной людьми, которые кричали и слепо метались из стороны в сторону, натываясь в ужасе друг на друга. Они были пропитаны густым кровавым дождем. Он раньше видел этот сон, только на этот раз, помимо дождя, там появились еще и самолеты. Они кружили ровным строем и, вопреки всей логике, зависали там, где должны были упасть, сбрасывали бомбы, от разрыва которых в воздух вздымались кирпичи, стекло и деревянные щепки, – все падало на землю вперемешку с кровью.

До этого Фоллер не видел во сне истребителей и надеялся, что умрет, прежде чем они снова появятся. Самолеты напомнили ему о самых первых днях, когда некоторым настойчивым энтузиастам удавалось достать рабочий легковой автомобиль, грузовик или однажды даже кран. В голове Фоллера всплыло яркое воспоминание: какой-то парень врезался в здание на маленькой красной машине. Вылетев через лобовое стекло, он ударился головой прямо в кирпичную стену. В этом мире машины выходили из строя одна за другой.

11

Фоллер думал, что падает три или четыре дня, хотя сказать точно было невозможно. Он больше не чувствовал, что падает. Висел вертикально и неподвижно, а под ним бушевал ужасный ветер. Даже если бы Фоллер попытался, то не смог бы восстановить ощущение падения. Он двигался в никуда, был центром этой пустой Вселенной.

Со вчерашнего дня во рту полностью пересохло. Глотать он не мог, но голод и жажда были мучительными. Если Фоллер не смотрел вокруг (а в этом не было никакого смысла), он часто не мог сказать, открыты или закрыты его глаза. Безликий пейзаж каким-то образом ослеплял его.

После тех первых ужасных минут Фоллер не тратил много времени на мысли о своем нераскрывшемся парашюте. Размышления требуют усилий, а у него, впавшего в оцепенение, не было энергии и сил для умственной деятельности.

И сожаления казались бесполезными.

Кроме прыжка с башни самым большим разочарованием Фоллера было то, что он не остановил убийство детей в Первый День. Однако он спас Маргаритку. Это было уже немало. И теперь насмешливый, слишком взрослый голос Маргаритки часто не давал ему скучать, пока он болтался в бессознательном состоянии.

Еще Фоллер сожалел, что так и не нашел женщину на снимке или хотя бы не узнал, кем она была. Вероятно, она умерла в первые дни. Много людей умерло в эти дни. Очень много. Голос Маргаритки в эти последние часы, несомненно, успокаивал, но крики напуганных детей не выходили все время из его головы. В попытках хоть как-то забыть о том событии, вычеркнуть его из памяти прошло много дней.

Возможно, это когда-то произошло со всеми людьми на земле. Возможно, они сделали что-то такое ужасное, что всеми силами пытались все стереть. Потому использовали технологии, чтобы заставить себя забыть. Судя по фотографиям и картинкам мест, которых не было,

Фоллер был уверен, что мир когда-то был гораздо больше (может быть, в десять раз), и подозревал, что совершенная ими ужасная вещь была как-то связана с тем, что мир стал меньше.

Если это правда и люди действительно стерли себе память, то это ирония. Фоллер всей душой мечтал сейчас вспомнить то, что все хотели тогда забыть.

III

Через стеклянные двери своего кабинета Питер наблюдал за Мелиссой: девушка с трудом тащила гранитную плиту и устанавливала ее поверх двух других так, чтобы получилась буква П. Она целую неделю работала над тринадцатой лункой Стоунхенджа – очередной скульптурой для ее миниатюрного поля для гольфа и одновременно сада скульптур. Усмехаясь, он обвел взглядом остальные двенадцать: Грейсленд¹² с его наклонной крышей и бархатными шторами, Зона 51¹³ в комплекте с космическим кораблем и инопланетянами, Венеция с ее бурлящими каналами, «Фенуэй Парк»¹⁴, где мячи на своем пути изредка врезались в бархатистого «зеленого монстра». Из кабинета Питера площадка казалась окутанной слоисто-кучевыми облаками на фоне голубого небосклона.

Питер залюбовался небом. Он открыл его для себя, всегда ясное, чистое и прекрасное, когда был еще ребенком и родители перевозили его из одного грязного района в другой. Чем ужаснее был городской пейзаж, тем больше времени он проводил, лежа лицом кверху. В магистратуре, когда его мысли расплывались в сотнях увлечений и направлений, он смотрел на облака, и они умиротворяли его. Однажды он изучал книги, посвященные облакам, и науки о них и нашел в интернете сообщество ценителей облаков. С тех пор этот веб-сайт стал его главной домашней страницей.

Как только он повернулся к компьютеру, зазвонил телефон. Это был Гарри.

– Ты смотришь новости?

Питер схватил со стола пульт.

– Тебе самому никогда не нравилось, когда кто-то начинал разговор с таких слов. Что произошло?

– Они бомбят Трансаляскинский нефтепровод.

– Что? Кто? – На экране телевизора появился густой черный дым, вздымающийся над нефтеперерабатывающим заводом.

– Русские. Мы на войне, Питер. Я думаю, только что началась Третья мировая.

Повернувшись, Питер увидел, что Мелисса сидит на корточках у своего миниатюрного Стоунхенджа, приложив телефон к уху и опустив голову. Он подумал, что она, наверное, плачет.

– Мне нужно идти. Я тебе перезвоню. – Он бросил телефон на диван и выскочил наружу.

Она плакала так сильно, что у нее прерывалось дыхание. Питер присел на корточки и обнял ее за плечи.

– Мы справимся. Страна уже переживала много войн.

Мелисса подняла голову.

– О чем ты говоришь?

– О войне. Разве ты...

– У Изабеллы обнаружен прион Петерсона-Янтца.

¹² Выстроенное в 1939 году в колониальном стиле поместье в Мемфисе, США. Известно главным образом как дом американского певца и актера Элвиса Пресли. (Прим. пер.)

¹³ Военная база, удаленное подразделение военно-воздушной базы Эдвардс. (Прим. пер.)

¹⁴ Бейсбольный стадион возле Кенмор-сквера в Бостоне, штат Массачусетс. На этом стадионе с 1912 года проводит свои домашние матчи команда «Бостон Ред Сокс». Отличительной особенностью стадиона является наличие высокой (11,3 метра) стены, известной как «Зеленый монстр». (Прим. пер.)

Питер подавил в себе желание заткнуть руками уши и убежать. *Белла?* Белла умирает?
– Как она могла его подхватить?

Мелисса вытерла нос кулаком.

– Каждый, кто приезжает в Мумбаи, его подцепляет. Они считают, что агенты Пакистана травят их пищу. – Обхватив руками шею Питера, она прижалась лицом к его груди. – Я не смогу этого вынести. Не смогу смотреть, как она умирает. Просто не смогу.

Питер крепко обнял Мелиссу, в его голове лихорадочно метались мысли. Он хотел сказать что-нибудь успокаивающее, но что сможет утешить ее в этот момент?

– Мне очень жаль. Я с тобой. Вместе мы справимся.

Это прозвучало очень скупое: словно горсткой песка останавливать прилив.

– Уго днем и ночью работает над своим лекарством. Он не подведет.

Мелисса кивнула и шмыгнула носом.

– Да. Мы не можем потерять Беллу. Просто не можем. – Расцепив руки на его шее, она отодвинулась и посмотрела на землю. – Что ты имел в виду, когда говорил, что мы переживем войну?

После новостей от Мелиссы Питер начисто забыл о звонке Гарри.

– Россия только что втянула нас в войну.

Мелисса закрыла глаза.

– Вот черт.

Две худшие новости, которые они когда-либо получали, пришли в одно и то же время.

– Где Белла сейчас?

– Думаю, что дома, – ответила Мелисса.

– Я пошел за ключами.

12

Из полудремы Фоллера вытащил приступ паники и ужаса. Возникший перед глазами образ был ярче, чем сон: его безжизненное тело, падающее в бесконечном небе, как мешок с мясом. Он пытался выкинуть эту картинку из головы, но она не забывалась и приносила жестокие мучения.

Его тело сгниет? Нужно быть на земле или под ней, чтобы начать гнить? Он представил свой скелет в свободно свисающем комбинезоне.

Горло сильно болело. От постоянного трения комбинезона боль не исчезала. Сделать что-то с этим было невозможно. Во многом умереть было легче, чем оставаться в живых.

Вдруг Фоллер увидел пятно, похожее на одну из мельтешивших мушек перед глазами. Только оно не мельтешило. Пятно на темно-синем фоне под ногами Фоллера не двигалось.

Он протер и открыл глаза. Пятно на том же месте. Фоллер посмотрел снова. Это было пятно размером с горошину, немного темнее раннего утреннего неба. Протерев еще раз глаза, Фоллер слегка похлопал себя по лицу и, убедившись, что проснулся, посмотрел в третий раз.

Он издал непонятный хрип, подразумевавший собой вопрос. Перед пятном промелькнуло облако. Он ждал, сердце стучало, словно заведенный маятник.

Появившись снова, пятно стало больше, его края выглядели уже более отчетливыми.

Оно продолжало расти в размерах. Фоллер пытался угадать, что это может быть. Птица, улетающая далеко от мира? Однако птицы двигаются. Пятно же не двигалось, оно просто зависло в небе. Может быть, это был какой-то легкий предмет, брошенный из мира, к которому он приближался?

Когда пятно стало таким большим, что он не мог закрыть его большим пальцем руки, он понял, что это.

Это было какое-то место – земля.

До этого его сердце едва билось, но тут же затрепетало, когда иссохшийся разум понял, что приближается другой мир. Сухие губы растянулись в улыбке. Он засмеялся, но смех был больше похож на сухой хрип. Вселенная припасла потрясающий сюрприз на последние часы его жизни.

Может быть, вселенная – это гигантский круг, и если долго падать, то можно вернуться обратно в мир?

Земля продолжала приближаться и увеличиваться, и вот она сначала выросла с его кулак, а затем стала словно большая круглая тарелка – крышка люка. Детали были размытыми, но в конце концов Фоллеру удалось разобрать некоторые из них. Группы прямоугольников, судя по всему, были крышами. То тут, то там зеленые пятна. Голубоватая полоса и несколько разных синеватых кругов, должно быть, водоемы.

Чем ближе он подлетал, тем больше был уверен, что это не его мир. Это другое место.

Оно разделялось на участки. Две линии, проходящие примерно параллельно с одного конца земли к другому, создавали полосу по центру. Две оставшиеся стороны были разделены на неравные части.

Он задумался, должен ли он падать на эту землю и врезаться в нее, чтобы прекратить все это. Может быть даже, так будет лучше всего. Что сделают с ним и его парашютом люди внизу, когда найдут его тело? Фоллер взглянул на парашют. Этот предатель, этот неисправный ублюдок целыми днями бессильно трепетал над его головой.

Пока он молча проклинал его, неожиданно ему пришло в голову, что можно исправить парашют.

Фоллер потянулся и схватил стропы. Казалось, что он пытался подтащить к себе кита, а не парашют. Несколько дней назад эта задача его даже не привлекала. Взяв парашют в руки, он осмотрел мир, к которому достаточно быстро приближался.

Дрожащими пальцами, прищурив глаза, он изо всех сил пытался связать каждую из поврежденных строп – на два узла, затем на три, на четыре, надеясь, что на этот раз они выдержат. Затем снова присоединил зажимы. Не останавливаясь, он продолжал щелкать зажимами в воздухе, в глазах двоилось. Фоллер закрыл глаза и продолжил защелкивать на ощупь. Он не мог сложить парашют в рюкзак. Свирепствующий за спиной ветер сковывал движения. О том, чтобы снять рюкзак со спины, не могло быть и речи: ветер тотчас выдернул бы его из рук. Он перевернулся на живот и прижал сложенный парашют к груди. Не сгибать одну руку и обе ноги в порывистый ветер было мучением. Тяжело дыша, Фоллер медленно приближался к земле, будто пьяница, шатающийся из стороны в сторону.

Опустившись настолько, что можно было разглядеть проезжающие машины, он развернул стропы и выпустил их из рук.

Парашют неуверенно затрепетал на ветру, словно раненая птица. Слишком измученный, чтобы бояться удара о землю, Фоллер спрашивал самого себя: существует ли какая-то максимальная скорость, при которой парашюты просто не раскрывались.

Парашют взмыл вверх и с громким хлопком раскрылся. Голову отбросило назад, шею и плечи пронзила резкая боль. В глазах зареяло, и в этот миг ремни подвесной системы врезались ему в грудь и спину.

На земле стояла абсолютная тишина. Ветер, который был с ним так долго, что, казалось, стал его частью, стих. Фоллер посмотрел вниз. Повсюду сквозь тусклый свет он различал контуры зданий, дорог и транспортных средств. Здания были приземистыми, а улицы узкими, но это место не сильно отличалось от его родного мира.

Фоллер удивительно быстро приближался к земле и, подняв глаза, увидел, что один из узлов парашюта развязался и одна его часть беспечно болталась в воздухе.

Прокрутившись по кругу, Фоллер опустился на крышу длинного здания. Ноги от удара подкосились, и он жестко приземлился на задницу. Не успел Фоллер разглядеть крышу, как

его тут же накрыло парашютом, который он попытался сразу же сбросить, но тот, казалось, имел в себе километр материи. Он сдался и рухнул на спину.

Дверь на крышу открылась.

– Вот он, – раздался приглушенный, но взволнованный голос ребенка, за которым последовал приближающийся шепот.

– Воды, – прохрипел Фоллер. – Пожалуйста, дай воды.

– Откуда вы тут взялись? – спросил второй ребенок, девочка.

Как он мог ответить на это?

– Не знаю. Я умираю. Воды. Пожалуйста.

– Мы за папой, – сказал мальчик, и дети убежали.

Фоллер провел рукой по штукатурке. Он был в другом мире. Его измученный ум не производил никаких мыслей, поэтому он лежал и, ни о чем не думая, ждал, пока дети приведут своего отца.

Наконец он услышал оживленную болтовню приближающихся детей. Разговор прервал взрослый мужской голос:

– Что ты там прячешься? Выходи.

Фоллер был слишком измучен, чтобы двигаться.

– Воды, – сказал он и пошевелил губами, чтобы добавить «пожалуйста», но на это слово сил уже не хватило.

Он услышал мягкий шуршащий звук парашюта, и уже в следующий момент, прищурившись, он лежал и смотрел на пасмурное небо. Над ним нависло нахмуренное обветренное лицо мужчины с густой бородой, разглядывающего его, как вонючую дохлую рыбу.

– Я никогда не видел тебя раньше. Из какого ты района?

– Кто это? – прозвучал неподалеку еще один голос.

– Я его никогда раньше не видел, – повторил хмурый мужчина через плечо.

– Он упал с неба, – предположила одна из детей, рыжеволосая девочка с большой залысиной над виском. Над Фоллером собралось трое взрослых с изможденными лицами, впалыми глазами и ввалившимися щеками.

– Он определенно не из этого района, – сказал мужчина без передних зубов и, отвернувшись, плюнул на землю.

Земля под Фоллером была неустойчивой, как будто он, эти люди и этот мир все еще падали. Трудно было осознать, что он живой. Если, черт возьми, ему дадут хоть немного воды, он будет жить.

– Как вы думаете, что с ним случилось? – спросила женщина с выступающими передними зубами. На ее запястье были две нити коричневого жемчуга.

– Что с тобой случилось? – громко спросила она. – Кто ты?

– Я... я упал.

Когда никто, казалось, не понял, Фоллер указал на небо. Люди смотрели друг на друга, нахмурившись.

– Мы видели, как он упал, – настаивал другой ребенок, мальчик.

– Он из другого района. Думаю, из Верхнего квартала, – сказал папа. Игнорируя расспросы детей, он развернулся: – Я скоро вернусь.

– Воды, – снова прохрипел Фоллер. Но никто не двинулся с места.

Отец детей вернулся с грязным обломком кирпича.

– Проще всего треснуть его по черепу и сбросить в канализацию.

– Нет! – воскликнул Фоллер, поднимая руки.

– Дети, возвращайтесь домой, – жестом указал отец. – Вы слишком маленькие, чтобы смотреть на такие вещи.

– Подожди, Бо. Может быть, нам стоит отвести его к людям Мунларка, – сказал лысый мужчина с седой полукруглой бородкой.

Затем добавил:

– Если он из Верхнего квартала, то может знать что-то полезное.

– Мунларк, – согласился Фоллер, чувствуя, как колотится сердце.

– Христ, но дорога туда и обратно займет два часа, – сказал Бо, игнорируя Фоллера.

– И ты говоришь, что не стоит дружить с Мунларком? Мы приведем ему шпиона, а он это запомнит.

– Я не шпион, – перебил их Фоллер.

– Ага, – рассмеялся лысый. – Ты упал с неба.

Наклонившись, он помог Фоллеру сесть.

– Вставай, пацан.

Они говорили странно. *Акцент* – всплыло слово в голове Фоллера. Мужчина пытался поставить Фоллера на ноги, но его колени отказывались выпрямляться.

– Вставай, – сказал Бо, встряхнув Фоллера так, что он рухнул в руки парня. – Христ, помоги-ка мне с ним.

Лысый мужчина взял Фоллера под руку. Сняв с него ремни парашюта и отшвырнув их в сторону, незнакомцы позволили ему повиснуть на себе и начали тащить.

– Папа, а если в этом? – позвал один из детей.

Они остановились. Мальчик держал ручку красной строительной тачки, прислоненной к низкой стене.

– Неплохая идея. Давайте ее сюда.

Фоллера погрузили в тачку, как мешок с мукой. Не имея никаких сил, Фоллер прислонил голову к одной из ручек тачки.

IV

– Эй, это же наш вундеркинд! – попыталась как можно радостнее крикнуть Изабелла, но ее голос дрожал. Она сидела на кровати, руки лежали на коленях ладонями вверх, а пальцы резко то сжимались в кулаки, то разжимались.

Сколько дней прошло после поставленного ей диагноза? Восемь? Прион действовал очень быстро. Скоро все ее тело будет себя так вести. Прион постепенно разрушал нервную систему Изабеллы, через месяц она совсем не сможет себя контролировать.

На глаза Питера навернулись слезы, но он продолжал улыбаться.

– Привет, Рыжая Соня¹⁵. Как ты себя чувствуешь?

– Как дерьмо, если ты действительно хочешь знать. Как большой старый мешок дерьма.

Питер рассмеялся.

– Прости. Это не смешно. Я просто смеюсь над тем, как ты это обрисовала.

– Продолжай смеяться над инвалидом, больной ты ублюдок. – Изабелла протянула руку. Питер через мгновение понял, что она хочет, чтобы он ее взял.

– Интересно наблюдать, как тебя меняет смерть. – Она произносила слова с усилием. – Я никогда не была одной из тех, кто любит обниматься и держаться за ручки. Мне не нравилось, когда до меня дотрагивались. А теперь все мало.

Питер сжал ее руку.

¹⁵ Женщина-воин Хайборийской эры, персонаж комиксов Marvel Comics и Dynamite Entertainment. Создана в 1973 году писателем Роем Томасом и художником Барри Виндзор-Смитом как «женский аналог» Конана-варвара. (*Прим. пер.*)

– Может быть, из-за того, что все остальное, кроме людей в твоей жизни, отпадает на второй план. – Под простынями сжимались и разжимались пальцы ее ног. Он не мог вынести мысли о том, с чем она столкнется через неделю и затем через месяц.

– Вот почему я с нетерпением жду твоих посещений. Любой другой твердил бы: «Ты не умираешь, не говори так». Но не ты.

Ее рука сжималась и разжималась, как сокращающееся сердце.

– Даже Мелисса так говорит. Она была здесь большую часть полудня. Похоже, все смущаются, когда я говорю о том, о чем не могу не думать каждую минуту.

– Они не хотят думать о жизни без тебя. К тому же разговоры о смерти пугают людей.

– Разве тебя они не пугают? – спросила она.

– Пугают, черт возьми, – ответил Питер. – Я никогда не умел подавлять свои страхи. Или что-то в этом роде.

Изабелла рассмеялась, и Питер воспринял этот смех как маленькую победу. Все, что он мог сделать для нее, это быть более терпимым.

– Я вижу, тебе недостаточно забрать мою Нобелевскую премию. Тебе нужна и моя жена, – сказал за его спиной Уго.

Питер не услышал, когда он вошел. Он разжал пальцы, чтобы отпустить руку Изабеллы, но она только крепче их стиснула и протянула другую руку к Уго. Взяв ее, он глубоко вздохнул и сел на кровать напротив Питера.

– Что бы ты делал с Нобелевской по физике? – спросил Питер, стараясь сохранить шутливый тон. – Ты можешь поговорить с людьми, которые дают ее за достижения в области медицины и физиологии.

– Ты думаешь, что я не внес существенный вклад в работу?

– Нет. Конечно, нет, – Питер облизнул губы, во рту стало сухо.

В течение двух недель они то и дело возвращались к этому разговору, напряжение в лаборатории усиливалось с каждым днем.

– Я не в комитете, Уго. Для меня было бы честью разделить эту премию с тобой, но с моим мнением никто не считается.

Уго выпятил нижнюю губу и задумался.

– Получается, ты думаешь, что я сделал существенный вклад в общие заслуги, а комитет ошибся?

Он такого не говорил. Уго пытался загнать его в угол.

– Парни, я вообще-то тут умираю. Может, не будем о работе? – сказала Изабелла.

– Извини. – Уго протянул руку и погладил Изабеллу по волосам.

Она закрыла глаза.

– И пожалуйста, не говорите о проклятой войне.

– Хорошо. – Уго наклонился и поцеловал ее в щеку. – Как ты себя чувствуешь?

– Как я сказала Питеру, я чувствую себя как дерьмо. – Она одарила Уго непонятным взглядом, затем повернулась, чтобы посмотреть на Питера, и начала что-то говорить, но вдруг остановилась.

– Что такое? – мягко спросил Питер.

– Мне интересно, как идет работа над дубликатором.

– Разве не ты только что отчитывала нас за разговоры о работе? – спросил Уго.

– Я отчитывала вас за споры, но старалась сделать это вежливо. – Ее челюсть сильно задрожала, а горло сжалось в резком спазме. Питер понял, что она прикладывает эти усилия, просто чтобы проглотить слюну. – Как идет работа?

– Хорошо, – пожал плечами Питер.

– Ты говорил, что с мышцами получается просто прекрасно.

– Верно.

На кормушку для птиц, которую Уго повесил у ее окна, сел щегол. Изабелла наблюдала, как он клюет семена.

– Они сохраняют память после выхода?

– Дубликаторы считывают всю память оригинальных органов, скорее всего, они сохраняют память мышам. Было бы удивительно, если бы они этого не делали, учитывая то, что на клеточном уровне дубликатор и оригинал одинаковы.

– Объяснишь мне еще раз, как это работает? Я знаю, ты уже объяснял.

Питер бросил на нее подозрительный взгляд, не понимая, с чего у нее вдруг возник такой интерес к его работе. Может быть, она пыталась перевести разговор на другую тему, более нейтральную, чтобы между ним и Уго опять не разгорелся спор.

– Дубликатор является отголоском оригинала. Оригинал возвращается на миллисекунду назад во времени через миниатюрную кротовую дыру.

Изабелла судорожно кивнула.

Уго прокашлялся.

– Белла, у меня для тебя...

– Я хочу, чтобы вы меня клонировали, – перебила Белла.

– ...сюрприз, – нахмурившись, закончил Уго. – Прости, что ты только что сказала?

– У моего клона не будет Петерсона-Янтца, верно? – спросила Изабелла.

Ее слова застали Питера врасплох. Он подумал, что Изабелла, должно быть, шутит, но в ее глазах не было озорного блеска и какой-либо иронии. Переведя взгляд с Уго на Питера, она выглядела совершенно серьезной.

– Не будет, верно?

– Да, – ответил Питер, – не будет. Прион – инородное тело.

Он сжал ее руку.

– Но, Белла, у тебя он все равно есть.

– Я это понимаю. Но за исключением надежды, что меня вылечат, самая утешительная вещь, которую я могу себе представить, – это то, что я, мое тело, все мои воспоминания останутся. В некотором смысле прежняя я все равно будет жить с Уго.

Мысль о том, чтобы сбросить Изабеллу в черную дыру, заставила Питера содрогнуться.

– Ты ведь шутишь? – спросил Уго.

Руки Изабеллы продолжали то сжиматься, то разжиматься.

– Если бы ты лежал здесь, ты бы не задавал этот вопрос.

Схватившись за спинку кровати, Уго наклонился к ней.

– Белла, я люблю тебя. Мне не нужна замена, мне нужна ты. Я создам вирус, который поможет изолировать прионы, не повреждая память.

– Нет времени! – почти закричала Изабелла.

И более спокойно добавила:

– Мы все это знаем. Перестань пудрить мне мозги.

Вбежавшая в комнату медсестра увидела напряженные, молчаливые лица и остановилась.

– Я зайду позже.

Когда она ушла, Уго сказал:

– Изабелла, мы не можем сделать то, о чем ты просишь. Это невозможно. Ты ведь это понимаешь?

– Это может быть невозможно для тебя. Для меня это, похоже, последний шанс.

– Не говори так, – мягко произнес Уго. – Я во всем разберусь. Мы будем жить вместе еще очень долго.

Его слова не подействовали на нее убедительно.

– Я пытался тебе сказать, – продолжил Уго, меняя тему. – У меня есть для тебя сюрприз.

Изабелла подняла брови и улыбнулась дрожащими губами.

– Я знаю, как ты была разочарована, когда не увидела выступление струнного квартета «Брентано». Итак...

Уго скрылся в зале.

Через миг он вернулся вместе с женщиной, несущей виолончель, и седовласым мужчиной со скрипкой. За ними появились альт и вторая скрипка. Изабелла рассмеялась от восторга. С тех пор как ей поставили диагноз, ее смех прозвучал более энергично, чем когда-либо.

– Боже мой, ты шутишь.

Когда все заняли свои места, квартет начал играть. В маленькой комнате музыка звучала изысканно и невероятно прекрасно.

Со слезами на глазах, прослушав первое произведение, Питер извинился и вышел, чтобы Уго и Изабелла смогли наслаждаться временем наедине.

Просьба Изабеллы его ошеломила. Они теоретически говорили о том, чтобы клонировать человека, но проделать это с живой Беллой, находящейся на грани между жизнью и смертью и держащей его за руку, было сродни фильмам ужасов.

По дороге домой Питер попал в пробку на Ричмонд-Роуд. Ему потребовалось целых сорок минут, чтобы обогнуть ее. Пробка, как ни удивительно, заканчивалась заправочной станцией. У него оставалась только четверть бака, но он не мог позволить себе провести три часа в очереди. Не во время вспыхнувшей в Японии новой биоинженерной чумы.

13

Если бы не ощущение скорой смерти, он бы чувствовал унижение. Люди на грязных улицах смотрели, как его катят на грохочущей строительной тачке, словно какое-то животное. Мужчины толкали ее по очереди, а женщина с выступающими вперед зубами держала Фоллера за плечо, чтобы он не выпал.

Во всяком случае, люди, мимо которых они проходили, выглядели еще более худыми и голодными, чем в мире Фоллера. Улицы были не такими прямыми и симметричными: они извивались и петляли, беспорядочно пересекаясь друг с другом. Так или иначе, он оказался в мире, похожем на его собственный. Ветер разносил знакомый запах мочи и экскрементов. Четырех- и пятиэтажные здания тесно примыкали друг к другу. Даже мусор на дорогах был таким же: ржавые автомобили, грузовики и автобусы. Вокруг расположились красные пожарные гидранты и коричневые телефонные столбы – вещи, которые каждый мог назвать, но не понимал, какая от них польза.

Повернув направо, они приблизились к длинной, высокой стене. Она была построена из мусора – машины, столы, шлакоблоки – и выглядела как огромный пазл. Когда Фоллер коснулся стены, задумавшись над ее видом, откуда-то брызнула вода. Холодные влажные капли приятно покалывали его лицо и руки.

– Черт! – выругался Бо, подбегая к Фоллеру, как только тот открыл рот, чтобы поймать серебряные капельки. – Я знал, что это плохая идея.

Свернув направо, они прошли еще несколько кварталов, и вдруг перед глазами возник потрясающий пейзаж. Слева от Фоллера из заросшего сорняками поля вздымалась белая башня. Она была высокой, тонкой и сужалась к треугольной крыше. Справа от них, за зеленым прямоугольным прудом, расположилось великолепное куполообразное здание с мраморными ступенями. Его украшали сотни колонн, и оно было таким же белым, как и башня. Свернув в сторону башни, извозчики Фоллера бросили на нее беглый взгляд, а затем повернули прямо перед ней. Они проехали по тропинке, проходящей через еще одно заросшее сорняками поле, и сразу вышли на дорогу, ведущую к еще одному огромному белому зданию с колоннами вокруг входа.

Остановив тачку у подножия длинной лестницы в форме полумесяца, они потащили Фоллера в здание. Каждый его шаг отдавался болью в пятках. На верхней площадке, скрестив руки на груди, стоял мужчина в костюме и наблюдал, как они поднимаются. У него были темные волосы, борода и рубцы на щеках – все это придавало ему устрашающий и сердитый вид. Он был не таким худым, как остальные.

Мужчины опустили Фоллера на землю, последовал короткий, приглушенный разговор. Наконец, человек со шрамами, все так же скрещивающий руки, кивком головы указал на дверь.

Бо и лысый подняли Фоллера и занесли его в великолепный вестибюль. Пока они продвигались по длинному коридору, Фоллер восхищался безупречно чистой люстрой и изящно сделанной лепниной, обрамлявшей высокий потолок.

Фоллер посмотрел на Бо и с удивлением увидел в его широко открытых глазах страх. Ощувив внимание Фоллера, Бо взглянул на него, нахмурился и безуспешно попытался казаться менее испуганным.

Они внесли Фоллера в большую комнату с деревянными панелями, где, сидя за столом, работал какой-то мужчина, и поставили тачку на пол рядом с бордово-черным диваном с искривленными деревянными ножками.

Человек за столом одним ловким движением отодвинулся на стуле. Это был тот самый Мунларк: упитанная фигура, большая львиная голова, темные волосы и глаза с тяжелыми веками. На нем был черный костюм, выглядевший так, будто его сняли с вешалки еще в Первый День и никогда не надевали.

Прищурившись, Мунларк посмотрел на Фоллера и, не поднимаясь со стула, наклонился к нему, провел пальцем по его треснувшему и пересохшим губам.

– Как такое получилось? – спросил Мунларк.

– Упал, – прохрипел Фоллер. Он попытался облизнуть губы, но сухой язык только прилипал к ним.

– Упал? Что ты имеешь в виду? Как это упал? – Мунларк потянул его за комбинезон. – Что это?

– Падать, – сказал Фоллер, понимая, что говорит бессмысленные вещи.

Но он был слишком слаб, чтобы объяснить точнее.

– Пожалуйста, немного воды. – Его тон казался жалким и слащавым даже ему самому.

Мунларк повернулся к стоявшему в дверном проеме человеку с рубцами на лице.

– Дай ему воды.

Мужчина сразу же убежал.

Повернувшись к людям, которые принесли Фоллера, Мунларк спросил:

– Зачем вы привели его ко мне?

– Он шпион, – сказал Бо. – Мы нашли его на крыше нашего дома, прячущегося под большим листом.

– Листом? – спросил Мунларк, теряя терпение.

– Это парашют, – произнес Фоллер. – Я упал.

– Откуда? – гневно спросил Мунларк. – Ты продолжаешь говорить, что ты упал. Откуда же?

– С неба.

Мунларк прищуренно посмотрел на Фоллера, кривя губы в замешательстве или отвращении, и перевел взгляд на других мужчин.

– Положите его на диван.

Двое мужчин, которые недавно тащили Фоллера через двор, подняли его, как будто он был пушинкой, и посадили на диван, не отводя взгляда от Мунларка.

– Вы раньше его не видели? – спросил у них Мунларк.

Бо покачал головой.

– Никогда. Но он не может говорить правду... – Его слова прозвучали наполовину с утвердительной, наполовину с вопросительной интонацией.

Мунларк взглянул на Фоллера.

– Я ценю, что вы привели его ко мне. Ваше глубокомыслие не будет забыто.

Услышав это одобрение, двое мужчин вышли из комнаты. Между ними протиснулся человек с рубцами, держащий в руке стеклянный кувшин. Фоллер потянулся к нему, мужчина остановился посередине комнаты. Руки пронзало болью, и он чуть не упал с дивана, пытаясь дотянуться. Мужчина вложил кувшин Фоллеру в руки, трясущиеся так сильно, что он расплескал воду на воротник рубашки, не сделав ни глотка. Фоллер разочарованно захрипел.

– Вот так, – сказал Мунларк, поднимая кувшин и придерживая его у рта Фоллера. Первые пять или шесть глотков, казалось, попали прямо в рот и горло, и затем вода, принося блаженство, прохладным потоком пронеслась по всему организму.

– Отдохни, – промолвил Мунларк, отнимая кувшин. – Если выпьешь все залпом, тебя стошнит.

Тяжело дыша, Фоллер кивнул. Мунларк поставил кувшин на гранитный столик.

– Итак, откуда ты на самом деле? – спросил Мунларк, указывая на себя, а затем на Фоллера. – Просто между нами.

Фоллер попытался сесть ровно, чувствуя, что покажется более правдоподобным, если он будет находиться в вертикальном положении. Но как сформулировать?

– Я упал с края моего мира, – сказал он, показывая пальцем в потолок. – Над твоим миром есть другой мир. Далеко-далеко, вверх.

Мунларк скрестил ноги и улыбался. Улыбка, казалось, говорила: «Я удивлен твоей выдумкой, но могу убить тебя, если ты не прекратишь нести чушь».

– Интересная история. Даже впечатляющая.

Придвинувшись к столу, он залез в деревянный ящик и вытащил банку орехов. Самую настоящую закрытую банку орехов. Не прилагая особых усилий, он открыл крышку и протянул банку Фоллеру.

– Орехов?

Подавшись вперед, Фоллер зачерпнул большую горсть, поскольку был уверен, что не уйдет от Мунларка без перерезанного горла. Увидев, что тот даже не посмотрел, сколько он взял, Фоллер мысленно выругал себя за то, что не взял больше.

– Так скажи мне... – Мунларк сделал паузу. – Как тебя зовут?

– Фоллер.

– Фоллер? – фыркнул Мунларк, поворачивая голову и кивая, как будто позволял Фоллеру носить это имя. – Хорошо. Скажи мне, Фоллер, если ты упал с неба, как ты, черт возьми, сумел приземлиться, не переломав себе все кости?

– У меня был парашют. – Он вдохнул, собираясь все объяснить, но вдруг замолчал. Даже для него это звучало нелепо. Он указал на дверь. – Его забрали люди, которые привели меня сюда.

– Ах, парашют. Понимаю. А что именно делает парашют?

Вероятно, у Мунларка это слово вызывало смутные и неясные ассоциации, но Фоллер не хотел даже думать об этом.

– Это полукруглый лоскут материи с прикрепленными стропами. – Прежде чем продолжить, он сделал паузу, чтобы отдышаться. – Под тканью образуется воздушный пузырь, позволяющий медленно парить, а не падать.

Мунларк скрестил пальцы и задумался.

– Как я уже сказал, это впечатляющая история. – Он поднял брови, очень настораживающе ухмыляясь. – Кто-нибудь может это подтвердить?

– Двое детей. Дети Бо, того мужчины, что повыше. Я не знаю, видел ли кто-нибудь еще.

Мунларк усмехнулся.

– Никто больше не видел, как ты падаешь с неба?

– По крайней мере, я никого не заметил.

Мунларк наблюдал за ним все с той же забавной, но в то же время угрожающей улыбкой. Фоллеру стало интересно, кто этот парень. Несомненно, у него есть власть. Он тот, кто вправе его убить, если Фоллер не убедит его, что ему стоит доверять.

Фоллер указал на висевшую над столом Мунларка картину: пасущиеся на зеленом поле коровы и одинокий фермерский домик неподалеку.

– Есть ли подобное место в вашем мире?

Мунларк даже не посмотрел на картину.

– Нет. Это другое место.

– Ты оттуда? – спросил Мунларк, через плечо указывая на картину. – Ты видел коров на поле?

– Это я и хочу сказать: неужели так трудно поверить, что есть другой мир, отличный от этого?

Мунларк выпятил нижнюю губу и пожал плечами.

– Это не трудно. Думаю, есть большая вероятность, что где-то там существуют другие миры, – его голос стал ледяным. – Мне трудно поверить, что ты упал с одного из них.

Мунларк встал и протянул Фоллеру банку орехов.

– Почему бы тебе не остаться здесь, пока мы это не выясним?

Фоллер взял банку.

– Спасибо.

Разумеется, Мунларк думал, что он шпион из Верхнего квартала (где бы он ни находился), и решил пока вести себя с ним терпеливо. Скорее всего, его терпение будет недолгим. Но у него было место, где можно отдохнуть, и банка арахиса. В остальном он разберется, когда наберется сил.

– Молот? – позвал Мунларк. Человек с рубцами просунул голову в дверь.

– Фоллер пока побудет нашим гостем. Размести его в Зеленой комнате, принеси ему одежду и скажи Пороху, пусть приготовит ванну.

Ванну? Приготовить ванну? Фоллер не мог себе представить, где набрать столько воды, чтобы заполнить одну из ванн, которые бесполезно стояли в каждом доме, и в них даже сесть было невозможно, не говоря уже о нагревании воды.

– Спасибо, – только и смог сказать Фоллер Молоту, который помог ему встать. Он находился в опасном месте и должен был быть осторожным, но по сравнению с тем, куда он попал несколько часов назад, это место было раем.

V

Большинство ресторанов вдоль Ричмонд-Роуд были закрыты – они не получали своевременных поставок. Питер через окно наблюдал за проносящимися темными силуэтами, на коленях у него лежал подарок на день рождения Изабеллы.

Что можно подарить той, кто в свой день рождения умирает? Конечно же не сувенир и не одежду, если только это не особенно красивый больничный халат. Они думали записать DVD-диск с домашним видео за несколько лет, но это только вызвало бы ее слезы. В конце концов они заключили, что лучшие подарки – это те, что смогут принести ей удовольствие непосредственно, как тот подарок от Уго неделю назад.

– Я не могу представить, сколько стоило Уго нанять тот струнный квартет. – Питер, все еще глядя в окно, изумленно покачал головой. – Что о нем ни говори, но он любит Изабеллу.

– М-м-м, – протянула Мелисса, ее тон был менее восторженным.

Питер посмотрел на нее.

– Что?

Мелисса, остановившаяся на светофоре, казалось, задумалась.

– Я должна держать при себе то, о чем мы говорили на наших девичьих посиделках, но она мне кое-что рассказывала. С Уго не так легко жить.

Почему-то Питера это не удивило. Он не раз задавался вопросом, как Уго удавалось полностью подавлять свой мерзкий характер, когда рядом была Изабелла.

– Что он делал?

Мелисса поджала губы и причмокнула.

– Больше всего мне запомнилась история о том, как они спорили, должна ли женщина из сюжета новостей сесть в тюрьму за отравление собак своего соседа. Это был просто глупый спор, но Уго не останавливался. Он продолжал читать ей лекции, а когда Белла вышла из комнаты, последовал за ней, говоря, что она не должна уходить, когда он с ней разговаривает. У нее лопнуло терпение, она вошла в их спальню и заперла за собой дверь.

В голове Питера кружилась лишь одна мысль: «Безусловно, эта история не закончилась побоями. Конечно, Уго ее не бил». Питер был уверен, что, если бы Уго ее ударил, Изабелла шарахнула бы ему утюгом по голове. Она и Мелисса – не те женщины, которые прощают такое поведение. Они росли в чокнутой семье и научились драться.

– Уго стучал в дверь и продолжал говорить: «Не смей меня игнорировать». Когда она не ответила, он выбил дверь.

– Охренеть, – сказал Питер.

– Я знаю. Как только он вошел в комнату, то просто продолжил доказывать, почему сажать кого-то в тюрьму за убийство животного – это глупо, в то время как в Боснии было убито и изнасиловано множество людей.

Питер кивнул. Он слышал некоторые истории Уго. Сербские солдаты изнасиловали его мать прямо перед ним и его отцом, после чего убили обоих родителей, а его поместили в тот постапокалиптический приют-концлагерь. После войны его усыновили сербский генерал Валентин Стоич с женой. Стремительный переход к лучшей, привилегированной жизни, предоставленной, возможно, убийцами его родителей, должно быть, чертовски запутал ребенка.

Заехав на больничную стоянку, они увидели, что их уже ждал Уго, поэтому разговор пришлось прекратить.

* * *

Когда Изабелла поняла, куда они едут, она радостно засмеялась. Вид на океан пока загораживали дюны. Мелисса заехала на песчаную парковку, которая была совершенно пустой, за исключением красного мини-купера Кэтлин. По дороге в Вирджиния-Бич¹⁶ почти не было машин. Бензин стал слишком дорогим.

Наклонив головы, чтобы спрятаться от холодного ветра, они следовали за Уго, который на руках нес Изабеллу к воде. Прямо за ним шли Гарри и Кэтлин, несущие в руках портативную капельницу. Мелисса сняла с Изабеллы туфли и носки, а Уго усадил ее на шезлонг и укутал одеялом. Смотреть на такую Изабеллу было мучительно. Она дрожала, как будто в припадке, лицо исказилось мышечными спазмами.

¹⁶ Город в США, расположенный на юго-востоке штата Виргиния на побережье Атлантического океана и Чесапикского залива. (Прим. пер.)

Уго открыл ее подарки. Когда он развернул подарок Питера и Мелиссы – возможно, последний фунт макадамии¹⁷ на континенте, – Изабелла отреагировала так, будто они подарили ей новую машину.

Что подарить умирающей женщине? Вещи, которые она может использовать прямо сейчас: еда и поездка к океану, чтобы в последний раз ощутить запах соленого воздуха.

Кэтлин подарила ей красивый шелковый халат оранжевого цвета, определенно ручной работы. Подарок Гарри – толстая книга комиксов «Кельвин и Хоббс»¹⁸.

Уго оставил свой подарок на десерт: изысканный изумрудный браслет. Изабелла отреагировала так, будто он подарил ей Тадж-Махал¹⁹. Питер не мог выбросить из головы образ Уго, выбивающего дверь своей спальни.

Питер жестом пригласил Кэтлин прогуляться. Когда открывали подарки, она заметно нервничала. Беззвучно повторяла какие-то слова, дергала бровями и указательным пальцем правой руки что-то писала в воздухе. В магистратуре ее симптомы всегда ухудшались, когда приходила пора экзаменов, но они никогда не были такими тяжелыми, как сейчас.

– Какие последние новости? – В поездке они старательно избегали разговоров о войне. Питер не был уверен, знала ли Изабелла, что в войну вступила Северная Корея, добавив пятую по величине армию в мире к вражеским войскам.

– Аспен и ее советники порядком испуганы. Мы несем слишком много потерь. Потерь, потерь... – чуть слышно прошептала она. – Они разрабатывают план. Немедленно. Сегодня.

– Боже...

– С Северной Кореей все станет еще хуже. К концу года будет уже около миллиарда жертв во всем мире.

– Трудно поверить, что кто-то этого хочет, даже сумасшедшие в Северной Корее. Похоже на то, что война живет своей жизнью и даже враждующие страны не могут ее остановить.

Под глазами Кэтлин виднелись темные круги. Питер положил ей на плечо руку.

– Как ты держишься?

– Ты ведь меня знаешь, – засмеялась Кэтлин. – Со всеми новыми возникшими проблемами мне требуется час, чтобы принять душ, но я в порядке.

Питер кивнул. Добавить к этому было нечего. Лекарства не помогали Кэтлин, обсессивно-компульсивное расстройство будто было частью ее души.

– Мы с тобой. Если тебе понадобится безопасное место, приезжай к нам с Мелиссой.

– Спасибо. Вы знаете, что я люблю вас, ребята. Не знаю, что бы я без вас делала.

Там, где они расстелили полотенца и расставили стулья, разговор был более непринужденным. Мелисса и Изабелла вспоминали о летней поездке на берег Джерси. Они смеялись над тем, как их пьяный отец нелегальными фейерверками чуть не сжег дощатую кладку.

На горизонте было видно, что собирается шторм: по небу плыла густая серая туча. Но она была еще далеко.

– Как насчет тебя, Питер? – спросила Изабелла. – У тебя есть любимая история о летних каникулах?

Питер попытался воспроизвести в голове какое-то воспоминание о лете. Он не любил думать о своем детстве. Помимо несчастного случая с отцом, его самым ярким воспоминанием было то, когда на железнодорожных путях, пересекавших Ист Миллер-стрит, его избивали трое

¹⁷ Макадамия – высококалорийный австралийский орех. Этот вид орехов считается самым дорогим в мире, потому что его сложно выращивать. (Прим. пер.)

¹⁸ Ежедневный комикс, который придумывал и рисовал американский художник Билл Уоттерсон. В комиксе отражены выходки и проказы шестилетнего мальчика Кальвина и его плюшевого тигра Хоббса. (Прим. пер.)

¹⁹ Тадж-Махал – мавзолей-мечеть, находящийся в Агре (Индия), на берегу реки Джамна. Построен по приказу потомка Тамерлана – падишаха Империи Великих Моголов Шах-Джахана в память о жене Мумтаз-Махал, умершей при родах четырнадцатого ребенка. (Прим. ред.)

одноклассников. Один из них – Дэвид Дэвисон, который до того, как Питера перевели в класс для одаренных богатых детей из Кларкстона, был его лучшим другом. Но, избивая, видимо, считал, что Питер таким образом предал детей своего района.

Или выпускной класс средней школы, когда он жил со своим учителем химии, мистером Карузо. Этот год стал откровением. Увидев, как живет нормальная семья, он открыл глаза на многие вещи.

– Интересно, это ли нас всех сблизило, – сказала Изабелла. – Плохое детство.

– Я отдал бы миллион долларов, чтобы поменяться детством с Питером, – проворчал Уго.

14

Когда Фоллер проснулся, было еще светло. Он понятия не имел, как долго спал. Фоллер встал с кровати – ноги казались резиновыми и слишком длинными. Комната будто накренилась в одну сторону. Шея одеревенела, и, повертев ею туда-сюда, он почувствовал, как от затылка до плеч прокатилась волна боли.

Осушив два стакана воды из кувшина, оставленного на тумбочке, он огляделся вокруг в поисках предмета, куда можно было бы справить нужду, и заметил бутылку из-под молока. Он наполнил емкость на добрую треть – видимо, спал он действительно долго.

Отдернув занавеску, за разросшимися кустарниками Фоллер увидел поле с высокой травой и деревьями с толстыми стволами. За ним возвышался стальной забор.

Ему трудно было собраться с мыслями, глядя на другой мир. Все, о чем он думал, что понимает, – все было неправильным. Он чувствовал себя таким же растерянным, как и в Первый День. Из головы не выходили слова Мунларка: «Думаю, есть большая вероятность, что где-то там существуют другие миры».

Миры, а не мир. Он был слишком измучен, чтобы осознать эту фразу, когда ее произнес Мунларк, но теперь она казалась ему самой впечатляющей из всех, что он когда-либо слышал. Если есть два мира, то может быть десять или сто? Картин, изображающих различные места, было очень много, а небо выглядело таким огромным.

Фоллер отпустил занавеску. Он хотел осмотреться, найти здесь подсказки для объяснения происходящего, подсказки, которые посторонний человек, видевший другой мир, смог бы собрать в одно целое. Фоллер потратил много времени, копаясь в шкафах пустых квартир в своем мире, пытаясь соединить осколки минувшего времени. Возможно, на этот раз все получится.

На комоде лежала совершенно новая одежда – черные штаны и обтягивающая толстовка. Одевшись и взяв бутылку с мочой, Фоллер вышел в коридор и начал искать выход на улицу, чтобы ее выбросить. Он прошел мимо наглухо закрытых дверей, повернул за угол и услышал резкие голоса, доносившиеся из большой, ярко освещенной комнаты.

Заглянув туда, он увидел около десятка людей, в основном женщин и детей, наблюдавших за двумя другими, которые разыгрывали какое-то представление. У зрителей были ясные глаза и сытый вид. Они сидели на хоть и старых, но безупречных креслах и диванах. Выступающие – мужчина и женщина – разыгрывали состязание по ходьбе. Они шагали на месте, лидировал то мужчина, то женщина. Они выступали за большим прямоугольником, обрамлением которого служили белые пластиковые трубы. То, что люди не выходили за рамки фигуры, создавало эффект, что этот прямоугольник был окном в собственный воображаемый мир актеров. Это должно было показаться странным, но Фоллер так не думал. В его мире представления могли разыгрывать где угодно, а зрители и выступающие были единым целым и делили воображаемый мир.

Прежде чем кто-то его заметил, Фоллер двинулся дальше. Место было огромным. Он прошел через открытую дверь и замер, восхитившись самым длинным обеденным столом, который когда-либо видел.

– Вот ты где.

В дверях появился Мунларк, одетый в темно-синий костюм. Из кармана пиджака выглядывал белый носовой платок. Взглянув на бутылку, которую держал Фоллер, он указал на боковую дверь и сказал:

– Просто оставь там, кто-нибудь об этом позаботится.

Когда Фоллер вернулся, Мунларк положил руку ему на плечо и повел вниз по коридору к высокой входной двери на яркий солнечный свет.

– Давай прогуляемся. – Все признаки гнева и нетерпения исчезли. Пока они шли по кирпичной дорожке, Мунларк казался дружелюбным и расслабленным.

Оглянувшись, Фоллер увидел, что за ними идут двое мужчин в костюмах, с пистолетами, заметно выпирающими из-под пояса. Проходя через главные ворота, Мунларк кивнул еще одному, прислонившемуся к дереву, охраннику с винтовкой. Фоллеру стало интересно, заряжено ли оружие или это все, чтобы произвести на кого-то впечатление.

Они направились к стене, которую он видел вчера, проходя первые кварталы в молчании.

– Ты никогда такого раньше не видел? – наконец спросил Мунларк, обводя рукой улицу с магазинами.

– Я видел похожие улицы, но именно такую – нет.

Повернув налево, они прошли через пустой парк и оказались в забитом жилыми домами районе. На вывешенных над улицей веревках висело постиранное белье. Над грудями мусора жужжали мухи. Фоллер чувствовал нарастающую усталость, но не останавливался, стараясь не подавать вида.

Пока они шли, люди провожали их взглядами. Некоторые держались на почтительном расстоянии, с любопытством наблюдая и перешептываясь. Мунларк привычно их игнорировал.

– Я хочу, чтобы ты оказал мне услугу, – небрежно сказал Мунларк. – Когда мы доберемся туда, куда мы идем, я покажу тебе различные машины. Я бы хотел, чтобы ты смотрел на каждую из них так, будто они тебе знакомы. Много кивай. Прикасайся к рычагам, будто знаешь, для чего они предназначены. Когда я спрошу, можешь ли ты ими управлять, ты ответишь: «Конечно, без проблем». Громко, но не слишком. Можешь для меня это сделать?

Фоллер кивнул.

– Конечно, без проблем.

Он сохранял бесстрастное выражение лица, недоумевая, что задумал Мунларк. Как Фоллер мог притвориться для выгоды Мунларка, что знает, как управлять машинами, если на самом деле не знал?

– Через забор будут наблюдать люди из Верхнего квартала, – сказал Мунларк, глядя на него и поднимая одну бровь. – Тебя кто-нибудь узнает? Скажи мне правду. Ты из этого квартала? Или с другого района?

– Я же тебе говорил, что никто в этом мире меня не узнает, кроме разве тех людей, которые меня нашли.

Мунларк усмехнулся.

– Потому что ты из другого мира. Продолжай в том же духе, друг мой.

Прогулка напомнила Фоллеру о его походе на башню. Это было похоже на парад с идущей за Фоллером и Мунларком толпой. Только люди были более худыми, а их шаги менее твердыми.

Они прошли через еще один деловой квартал с давно разграбленными пустыми магазинами.

– Вот мы и пришли. – Мунларк двинулся к стене, которую Фоллер увидел в тот день, когда сюда прибыл. Стена, должно быть, отделяла это место от Верхнего квартала.

Когда они подошли ближе, Фоллер понял план Мунларка. Улицу, которая шла вдоль стены, загромождали большие страшные машины. Ближайшая к нему была похожа на гигантскую стрекозу. Часть разума Фоллера, которая всегда знала правильное слово, прошептала: «Харриер»²⁰. Немного дальше стояло пятиногое стальное насекомое с двумя установленными на вращающейся голове башенками – *радиоуправляемый танк*. Как и все остальные, Фоллер мог придумать слово практически для всего, имея лишь самое туманное (или вообще не имея) представление, что это за предмет.

Для начала Мунларк подвел его к истребителю и спросил:

– Ты умеешь управлять «Харриером»?

Оставив дверь открытой, Фоллер забрался в узкую кабину управления и коснулся частей, которые, как он предположил, были рычагами. Надеясь, что хорошо сыграл осведомленность, он кивнул: «Без проблем». В мире Фоллера привлечение слишком большого внимания к себе было хорошим способом в конечном итоге оказаться убитым. Лучше опустить голову и создать вид голодного нищего. Теперь казалось, что Мунларк хотел представить его как человека, который чрезвычайно опасен. Не имея другого выбора, Фоллер играл свою роль, но это давалось ему крайне непросто.

– Я предполагаю, нам нужно достать определенные материалы, чтобы привести его в действие. Можешь сказать, что нужно?

– Не вопрос, – ответил Фоллер. – Конечно, без проблем.

Пока они переходили от машины к машине, притихшая толпа становилась все больше. С другой стороны стены за ними наблюдало много лиц. Фоллер увидел, что кто-то на третьем этаже здания за стеной смотрит в бинокль.

Когда их шествие между машинами закончилось, Мунларк привел Фоллера к толпе. Он придерживал его за локоть, что могло сойти за теплый, покровительственный жест. Остановившись перед толпой, Мунларк поднял руки, призывая к тишине.

– Люди, я хотел бы представить вам Фоллера. Он пришел с небес, чтобы помочь нам. Более пятидесяти человек стали свидетелями его падения с неба. Некоторые из них здесь, с нами.

Мунларк указал на группу из примерно двадцати человек, стоящую перед основной толпой. Фоллер узнал нашедших его детей и взрослых, которые привели его к Мунларку. Дети оживленно болтали с окружающими, девочка показывала на небо.

– Когда Фоллер станет нашим защитником, те, кто захочет причинить нам вред, пожалуют об этом.

Фоллер улыбнулся, но тут же понял, что у него не подходящий вид для этой роли, и попытался таинственно смотреть вдаль.

– Откуда вы пришли? – спросил человек из толпы, крепко обхвативший себя руками.

– Там есть другой мир, похожий на этот, – сказал Фоллер, показывая на небо. – Далеко, далеко вверх.

Мунларк сжал ему шею так сильно, что она заныла бы от боли, даже если бы не была повреждена, как сейчас. Как бы то ни было, боль была почти невыносимой.

– Сейчас важно то, что он пришел.

– Он один из богов? – раздался чей-то голос.

Проигнорировав вопрос, Мунларк потащил Фоллера вдоль толпы, вероятно, желая дать возможность каждому его увидеть.

²⁰ Британский истребитель-бомбардировщик. (Прим. пер.)

* * *

– Ты отлично поработал, – сказал Мунларк, когда они возвращались на его территорию. – Люди, которые тебя нашли, распространяют твою историю по всему городу, и некоторые из моих доверенных людей также говорят, что видели, как ты упал с неба. Теперь мы пустили молву, и все больше людей утверждают, что видели, как ты упал. Можно рассчитывать на то, что те люди дадут нам, что мы хотим. Это человеческая природа.

Как понял Фоллер, план Мунларка заключался в следующем. Тот, кто был главным по ту сторону стены, должен был дать Мунларку все, что он хотел, страшась дальнейших действий, предпринятых Фоллером. Но все это не было похожим на человеческую природу.

Когда они вошли в дом, Мунларк, отправив Фоллера на кухню за едой, исчез в комнате с длинным столом для совещаний. Сказать повару, чтобы он его накормил, – и еда просто появится. Это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой. Фоллер поспешил на кухню.

Мимо него проскочила женщина, одетая в лимонно-желтое платье и белые сапоги на каблуках.

Мысленно находясь на кухне, Фоллер быстро взглянул на нее и в знак приветствия кивнул.

Увидев ее лицо, он чуть не задохнулся и застыл, как громом пораженный.

– Подождите!

Она повернулась и внимательно посмотрела на него. Фоллер в свою очередь пристально ее осмотрел, чувствуя, как от удивления отвисает челюсть.

– О, ты тот, кто... – начала она и вдруг замолчала.

Не нужно было сравнивать ее с девушкой на фотографии. Волосы были длиннее, зубы не такие белые, но квадратная челюсть, веснушки на переносице, странные, слегка раскосые зеленые глаза...

Фоллер искал на ее лице какой-нибудь знак, чтобы понять, что она его узнала.

– Да, я тот, кто, – начал говорить он, протягивая ей руку.

От ее прикосновения по телу пробежала дрожь. Может быть, верующие были правы, что боги переродили мир и оставили их в Первый День со всем, в чем они нуждались. В его случае это была фотография женщины, которую он хотел любить, и игрушка, показавшая ему, как до нее добраться.

– Меня зовут Фоллер.

– Буря. – Нахмурившись, она смотрела на него. – Я все время думаю, что Мунларк, должно быть, неправильно тебя понял. Ты сказал ему, что упал с неба?

Она подавила смех. Говорила Буря прямо и по делу, без ерунды, без пустых разглагольствований. Была уверена в себе и добивалась целей. Фоллер сразу увидел все это. Когда он смотрел ей в глаза, казалось, что воздух мерцал вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.